

Игорь Викторович Чубаха
Александр Логачев
Смотрящий по неволе
Серия «Воровской мир», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180428
Игорь Чубаха. Смотрящий по неволе: Крылов; Москва; 2004
ISBN 5-94371-687-4

Аннотация

Это за Уральским хребтом закон – тайга, а здесь закон – нефть. И захотел один питерский авторитет подмять под себя ближний нефтеперерабатывающий завод. Вероятность, что дело выгорит, весьма небольшая, уже многие на подступах к заводу головы сложили. И тогда бросил авторитет Сергея Шрама на топливный вопрос, как на амбразуру...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игорь Чубаха, Александр Логачев Шрам и Нефтяной Монастырь, или Смотрящий поневоле Блатной романс

Роман публикуется в авторской редакции.

Генеральный консультант сериала – Таймырская организованная преступная группировка.

Все запутки и действующие фраера, пацаны и отцы в этой телеге придуманы от фонаря. Всякое совпадалово – конкретная лажа.

Глава 1

*А я рожден под знаком рыб в начале марта,
Когда весна башку могла бы задурить.
Но мне не выпало, друзья, такого форта —
На дискотеке клевых девочек кадрить.*

На самом деле все происходило не так.

На веслах распорядился Сидор. Он греб с упорством, достойным затюканного завлаб-бом вырвавшегося в отпуск инженера. На голове Сидора плющилась глупая панамка. На носу Сидора прели старомодные очки. На плечах Сидора пропитывалась потом выпцветшая штурмовка. И даже золотая фикса в щедро улыбающейся пасти Сидора сверкала не тревожно, а как лампочка за стеклом родного окна.

Карпович развалился на носу лодки, вальяжно жмурясь, будто барин, и отмахиваясь от лнущего гнуса подвявшей ивовой веткой. На дородном рыхлом подбородке Аристарха Карповича колосилась и играла на солнце радугой рыжая щетина. И казалось, что Аристарха Карповича абсолютно не колышет, успеют ли путешественники до темна добраться до обещанного ним «пологого бережка с хибаркой».

Солнце болталось низко над лесом за спиной стерегущего руль Сергея. Руки и ноги Сереги сладко гудели, он только минуту назад уступил весла Сидору. А еще минет пятнадцать минут, и солнце булькнет, если не промажет, в реку, или зароется в лесную чашу.

— Господи, как жрать-то хочется! — сплюнул перемешанную с потом слюну за борт Сидор.

— Вот ведь как, Сидор, я тебе про благородное искусство толкую, а ты меня перебиваешь гнусным требованием «Жрать!», — докучливо поморщился Аристарх Карпович, — Впрочем, я не обидчив, и по сему продолжу. Итак, Андрон Петрович Горбунков, тот, который закадычный приятель Василия Парамоновича и шурин Эдуарда Ивановича, оказался самым печальным образом причастен к великой государственной тайне. А всему виной щепетильность старого дурака. А самое грустное то, что все записи Андрона Петровича попали в руки нечистоплотных господ. И доньне господа эти лихо шантажируют некогда бывших и по сей день оставшихся ответственными товарищей.

— А пожрать все-таки не помешает, — как заведенный, продолжал месить веслами зеленую воду Сидор. Хотя он сидел лицом к Сергею, глазами с Сергеем не пересекался. То насто-рожено шерстил вниманием спускающийся по обоим берегам косматый лес, ожидая, когда ж наконец покажется заветный приют. То шурился на солнце, дескать, долго ли еще этот бублик будет действовать на нервы?

— И тут должны появиться мы. Так сказать, археологи от имени справедливости, — как бы не замечая зуда Сидора, продолжал млеть в последних лучах солнышка Аристарх Карпович, — И объявить нечистоплотным господам, дескать, отдайте нам по хорошему все бумаги: кто, когда, по чьей команде наших Врубелей с ихними Рубенсами за границу переправлял? Потому как указывать ответственным товарищам пришло наше время.

А деревья по берегам бодались ветками и кронами. А вода мурлыкала, целуя весла. И такая вокруг, не смотря на сосущий желудок голод и осаждающий кожу гнус, струилась, курилась и марилась лепота, что хоть песни сочиняй. Да нельзя было расслабляться. Сергей сразу смекнул, с какого это лешего Аристарх Батькович разоткровенничался. Типа, приглашает Серегу под крылышко, торжественно вручает мешок сахара и зовет в светлое будущее. Ой, не верил Аристарху Батьковичу рулевой Серега и имел к тому веские основания.

Меж тем солнце накололось на верхушки деревьев. И почти одновременно по правому борту подплыли, как обещал Аристарх Карпович и «пологий бережок», и «хибарка одного доброго мужика». Угрюмый, крытый ржавой корой сруб без окон.

Лодка повернула носом на девяносто градусов. Вода вокруг весел запуржилась придонным илом и водорослями. И здесь Сергей маху дал. Больше беспокоясь, чтобы не замочить нехитрый скарб, перестал пасти спутников. А ведь ни в коем разе нельзя было верить Аристарху Батьковичу. Ведь чересчур настырно кликали Аристарх, по прозвищу Каленый, и Сидор, прозванный Лаем, с собой Серегу в рывок, хотя тот корчил из себя последнего лоха.

А на фиг с собой брать в бега лоха? А?! Вот то-то и оно.

Имел ли Серега шансы? Если бы Лай был терпеливее, слушался Каленого, то хрен с укропом. Они спокойно могли придушить Серегу сонного глухой ночью. Так нет же. Не башкой соображал Лай-Сидор, а кишками.

Сергей отыграл ситуацию, уже когда скалящийся и захлебывающийся жадной слюной Сидор высоко занес над головой рулевого весло, а Каленый – если уж Лая не затормозить – перевольтовал из дырявого кармана бушлата в рукав заточенную алюминиевую ложку.

Дело было вечером, делать было больше нечего, и Сергей плюхнулся, не концентрируюсь, не жалея шкуры и ребер, всем весом на левый борт, аж доски жалобно скрипнули. Лодка заходила ходуном, как батут. Голодный Лай, по ошибке решивший, что он банкует, взмыл в небо, последний раз хищно сверкнул фиксой и, сделав в воздухе ногами ножницы, спиной вздыбил воду. Ложка, которую хитро, из рукава, метнул Каленый, звонко цикнула об уключину и пустила круги за кормой. И пошла на дно серебряной рыбкой.

Серега и Каленый остались один на один. В глазах колотый лед. Во ртах привкус крови из закусенных губ. Сергей не знал, что сделает в следующий миг: бросится рвать ногтями врагу яремную вену или выковыривать глаза? Сергей полностью доверял вылупившейся внутри дикой твари. Дальше – ее работа, ее черед зарабатывать на билет в Питер.

И тут будто вечерний ветер запутался в полоскающихся у бережка зарослях камыша. Стебли захрустели, раздвигаемые околышами фуражек. А над рекой раздалось громко и беспрекословно:

– Всем оставаться на своих местах! Руки за голову! Сопротивление бессмысленно! – загавкал раньше срока мегафон из кустов, боясь, что беглые зэки порвут друг дружку. Это менты сгруппили. Но все равно – мать-ити!

Каленый стал по водолазному, спиной вперед, клониться за борт. И тогда прыснули ментовские калаши. И фонтанчики с трех сторон побежали к лодке, чтобы встретиться под сердцем Сергея. А дальше Сергей Шрамов ничего не слышал. Он шурупом ввинтился в реку, и непрозрачные воды скрыли беглеца. Долго шевелил руками и ногами он, как саламандра перепончатыми лапами. Пока не кончился воздух, и в груди не закололо столь страшно, будто пырнули шилом.

Сергей Шрамов тряхнул головой, отгоняя воспоминания. На самом деле все происходило не так, как рисовал своим поганым языком человечек с погонялом Ртуть.

Откуда проявился этот георгиевский кавалер и к какому монастырю принадлежал, Сергей не ведал. Сергея поставили перед фактом. Он пришел на обыкновенную встречу, а здесь такое...

– ...Да, мне это не нравится! – громко, на все собрание, вещал человечек с погонялом Ртуть, – Мне не нравится, когда прыгивают трое, а потом двоих хоронят при попытке к бегству. И ведь приличных людей-то хоронят. Не хухры-мухры. Каленого и Лая хоронят, а Шрам объявляется в Питере, как ни в чем не бывало. Похоже это на суровую действительность? Вот и я считаю, что не очень! – человечек с погонялом Ртуть обвел присутствующих вопрошающим взглядом. Достаточно ли убедительно он задвинул тему? Слушают ли его внимательно?

Свет в зале был на половину потушен. Но и оставшихся люстр хватало озарить дюжину упакованных в крахмальные скатерти столов с расставленными приборами. На стене кабака красовалась почти обязательная фреска «Здесь была Алла Пугачева». Шут ее знает, может, действительно была. Однако сегодня в зале кроме «своих» ни кого не наблюдалось.

Папы сидели вокруг одного стола. Угрюмые по жизни. И вроде бы не выспавшиеся, будто жевали наболевший вопрос меж собой всю ночь, от зари до зари, да к окончательному мнению так и не пришли. И вот решили послушать человека со стороны. Человечка с погонялом Ртуть.

А старший папа, по паспорту Михаил Хазаров, типа сфинкса сидел. Глыба застывшей магмы. Только в голове подаренный природой компьютер задачку так, сяк и раком поворачивал. Пилик-пилик-пилик...

– Ты давай, конкретно журчи, – хмыкнул небритый и от того малость мордой колючий Толстый Толян, – Есть ли что реальное против Шрама? – пуговицы на рубашке Толяна разошлись, и в прореху выперло неслабое пивное пузо. Толян конфуз не просекал – давно страдал зеркальной болезнью.

– Я думал, – хитро заулыбался Ртуть, – Мы по семейному будем судить да рядить. Я думал, Шрамика за так отдадите. Есть у моих приятелей к нему парочка глубоко личных вопросов. Например, почто Шрам на зоне косил под лоха с семьдесят седьмой¹? Почто не объявил честно, какие люди за него поручиться могут? Разве этого западла мало?

Стол, за которым восседали папы, был сервирован в фасон. Конина и закусь всесторонняя – завтрак «аристократов». Только никто к угощению пока не притрагивался.

– На дворе братва, меж братвой ботва, братве бы тему перетереть, перетереть, да не перетерпеть, – процедил в никуда Урзум. Пальцы правой лапы этого амбала свернулись в кулак-кувалдометр. А по кулаку букв выколото лиловыми чернилами на три букваря.

– Мы и сами со своих спрашивать не разучились, – хмыкнул Толстый Толян, – У тебя реальное-то что-нибудь против Шрама есть? – губы у Толяна пунцовые и липкие. Но чуть что, превращаются в тонкую бескровную черту.

– А ты не спеши вписываться, – вдруг, осаживая Толяна, подал голос главный папа. Седой и холодный, как вершина Казбека, а голос глухой, будто далекая лавина сходит, – Человек к нам пришел с распахнутой душой подозрениями поделился. Считает человек, что Шрам не прав. Имеет право так считать? – «Пилик-пилик-пилик...» – продолжал тасовать варианты похожий на компьютер мозг папы.

Толстый Толян смущенно заткнулся. До тех пор, пока не врубится, куда клонит главный папа, теперь слова не скажет. Взоры собравшихся сошлись на Сергее, как лазерные зайчики оптических прицелов.

На самом деле все было не так. Нас засада ждала... – коротко бросил Сергей. Он не собирался оправдываться. Оправдываешься – виноват. И кроме того не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отгадать – старший папа уже принял решение. И теперь только кумекал, как лучше претворить решение в жизнь. Видит Бог, до банана были старшему папе Серегины оправдания.

– А лоха ты зачем корчил? – нагло перебил человечек с погонялом Ртуть. В соответствии с кликухой шаткий и верткий. Не способный секунды устоять на месте. И не обритый наголо, а именно абсолютно лысый, даже без бровей. А глаза маленькие и желтые, как два гривенника.

– Были причины, – коротко отпасовал Сергей.

¹ бандитизм

– Вот видите, добрые хозяева, – снова призвал пап в свидетели Ртуть, – У него были причины, – в этот момент гость всем и каждому напоминал чересчур шустрого адвоката, – Может у тебя были причины и сонных Лая с Каленым кончить?

За такие слова полагалось на месте впиваться зубами в глотку. Но Шрам понимал – не позволят, не допустят. И сглотнул горькую слюну.

– Что-то ты мутишь, – из-под сивых бровей бросил ледяную занозу главный папа глаза в глаза чужому человечку, – Что-то не договариваешь. Коли дело только в Шраме, зачем так долго паришь? Он, что, медом намазан? – действительно Михаил Хазаров уже принял решение. Он собирался отдать Шрама. Правда, еще не придумал, какой калым за дорогую невесту заказать. Но спешка нужна только при ловле блох и при поносе. Хотелось Михаилу свет Хазарову дознаться, зачем весь сыр-бор. Просто пришить Шрама сестрорецкие пацаны могли и без спросу. «Где кантуется ежедневно, тайны нет. Так нет же, Шрам им сознательный был нужен. А вообще жаль. Нормальный мужик этот Шрам, правильный. И какого хрена он из себя на зоне лоха корчил?» Пилик-пилик-пилик...

– Ты давай, конкретней журчи, – ожил Толстый Толян. Толстый Толян, так и не научившийся играть в игры сложней трынки и очка.

– Можно, я при всем честном собрании, конкретно Шрама спрошу? – Ртуть нервно потер вспотевшие ладони.

«Вот оно!» – сладко запульсировала жилка на виске у главного. Однако больше на лице ни один мускул не дрогнул. Генеральный папа сидел, как айсберг в корме «Титаника».

– Валяй, – рискнул ответить за главного папу Урзум. Урзум не любил пиджаки. Урзум носил свободные свитера, под которыми прятал пудовые мышцы и неслабый арсенал. Харю Урзума, словно проказа во второй стадии, украшали три бело-розовых отметины. Сел однажды Урзум в мерс, тронулся, да зацепил бампером соседний чероки. А стоянка-то была блатная, вот бомба под чероки и сдетонировала. Месяц Урзум выздоравливал, пока стал немного похож на себя.

– А не после того ли ты завалил Лая и Каленого, как они тебе про списки вывезенного из Эрмитажа барахла напели? Колись, попадалово на тебя в упор смотрит!

– Все было иначе, – не человечку с погонялом Ртуть, а затребовавшим пред светлые очи папам ответил Сергей, – Он меня облыжно кроет! – видит Бог, как гадко было на душе у Шрамова. И не потому, что по лезвию ходит. А потому, что несправедливо с ним обходились. И даже это не главное, собрались мочить – мочите. Зачем же душу студить и мозги червивить?

– А что, есть такие списки? – затеплилось хилое любопытство в интонации главного папы. Михаил Геннадьевич Хазаров был не первой молодости мужчина и даже не второй. Однако жиром не заплыл, изо рта гнилыми зубами не пах. Сухощав и поджар сохранился Михаил Геннадьевич. И внешне почти интеллигентен – седой ежик волос не делал его похожим на уголовника.

«...Слыхал я про эти малявы эрмитажные, – про себя думал главный папа, – Их еще одноглазый Аглаков искал. Не нашел и сгинул. С этими списками я первым человеком по Питеру стану. Многие, ой, многие ныне держащиеся на плаву чиновнички к пересылке эрмитажных цапок за бугор руки приложили. Вот и платите, гаврики, чтоб старое гавно не всплыло...»

– Про списки Каленый действительно токовал, было дело, – четко отмеривая каждое слово, произнес Сергей, глядя в глаза всем папам сразу, – И про то, что едет в Питер за этими списками, хвалился. И про то говорил, что собирается этими списками замаранных чинуш за жабры брать. А вот где и у кого эти списки плесневеют, про то покойник ничего не сказывал, – перед собой хитрить смысла не имело. Шрамов врубался, что жилец он конченный, и

вдыхать запахи осталось минут десять. Как бы так незаметно подобраться, чтобы человечка с погонялом Ртуть с собой на посошок в лучший мир прихватить?

– Вот оно как, – задумчиво почесал репу старший папа и повернулся к Ртути:

– Ртуть!

– Да, Михаил Геннадьевич.

– Можно тебя попросить сделать для меня одно доброе дело? – главный папа сунул руку во внутренний карман, достал мобилу.

– Нет вопросов, Михаил Геннадьевич, какое?

– Умри! – выдохнул слово, будто сплюнул, главный папа.

И тут же рука верного Урзума объявила уже из другого кармана беретту с глушаком... И на лбу человечка с погонялом Ртуть прокомпостировалась дырка.

«...Замочу я Ртуть путем, – пять секунд назад про себя думал главный папа, – Ртуть не объявил, от имени кого пришел, а значит, типа – по личной инициативе. Хотя все мы с усами, то есть шарим, чья на самом деле инициатива. Но тогда по понятиям надо было не Ртуть засылать, а стрелу забивать. А теперь фиг с меня возьмешь, я не чужого гонца хлопну, а частного предпринимателя. Да и хлопал ли я его? Не было никакой встречи с Ртутью. Может, он вместо меня к грузинским ворах пошел трындет? Не видел я в упор никакого Ртути-Фрути. Вот так вот будет правильно...»

Михаил свет Геннадьевич одернул черт знает из сколько стоящего материала скроенный зеленый с серебряным переливом пиджак и убрал мобилу обратно – звонить он не собирався, а просто подавал условный сигнал. А Ртуть медузой осел на корточки. Брыкнулся на левый бочок. И запачкал вишневым мазутом пол.

– Не передрейфил? – насколько умел, дружески подмигнул Сергею главный папа, – Не бзди, прорвемся, – папа плавно повел плечами, типа засиделся он тут и теперь разминается, – Мы своих не сдаем. Нам такие бодрые герои самим нужны, – старший папа сладко потянулся. А ведь в натуре он с советниками кроил так и сяк сегодняшний день предыдущей ночью. Главный папа кивнул младшим папам, приглашая к столу. Дескать, теперь можно и расслабиться.

И опять не поверил дружеской улыбке Сергей Шрамов. Опять, выходит, торжественно вручают мешок сахара и зовут в светлое будущее. Опять со Шрамом кто-то играет, будто котенок с тампаксом. Сереге, как штрафнику, набухали полный фужер «Крувуазье». Серега принял на грудь янтарную жидкость одним махом, выгоняя из под кожи смертельный холод.

– Ты от нас Вирши подминать поедешь. Был городишко воровской, а сделался бычий – неувязочка. Нужно вернуть жизнь на круги своя. Знаешь такое место районного значения под Питером? – похлопал Михаил Геннадьевич по плечу Сергея, – Место там теплое, перегонные аппараты стоят. Но не самогон, а нефть перегоняют, – «...Вот так вот будет правильно, – про себя думал главный папа. – Времени у пацана мало. На таком майдане, как Вирши, долго не живут. Вот и станет пацан рыпаться – списки эрмитажные быстрее искать, чтоб, значится, самому тему оседлать, а с нашего опасного паровоза соскочить. А мы ему аккуратно своего долгоносика в свиту зарядим. Надо будет подходящую кандидатуру подобрать. Вот так вот будет правильно...».

И ту в заведение вошла девушка. Походка, как перышко на ветру. Фигура оранжерейная. Глаза – карельские озера. До реформ на Руси такие девушки не водились. Такие девушки тогда в эмпайр билдингах икру ложками жрали, и сама Статуя Свободы им шестерила. Даже не поморщившись на труп, девушка глубоким гортанным голосом обратилась к главному папе. И тот сразу, хотя далеко не молод, из Михаила Геннадьевича превратился в Мишку Хазарова.

– Я что-то путаю, или ты сегодня идешь на мой концерт?

Северное сияние полыхало в глазах девушки. Знакомить девушку с Сергеем никто не рыпнулся. Не того фасона кадр. Да и ваще, хорошо, если месяц прокантуется на свете белом.

– Да-да, – свернув шею, чтобы спрятать нестандартное выражение от соратников, рывком поднялся с места главный папа. От него не ускользнуло, какими глазами облизал его подругу Шрам. «А может, другую карту из колоды следовало тянуть? Впрочем, нет, пустое, – вяло подумал папа, – все равно хлопцу больше месяца не протянуть. А вообще жаль. Нормальный пацан, правильный; и чего его на зоне потянуло из себя лоха корчить?» Докумекать мысль главному папе не дал вопрос Толстого Толяна:

– А со жмуриком что делать?

– Кажись, его погоняло – Ртуть. Ртуть, если учебник не лагает, тяжелее воды. Посему прячьте концы в воду. Аминь.

Глава 2

*Я родился и вырос в Ростове
Под опекой дворовой шпаны.
Был кастет мой всегда наготове
И махоркой набиты штаны.*

Городок Вирши и Питер разделяло сто километров железной дороги – два с половиной часа в битком набитой отстойными люмпенами электричке. Городок лежал на берегу реки и вонял, как выброшенная на берег и откинувшая ласты рыба. Вонь была особенная, оседающая в горле жирным приторным налетом. Сначала, когда только вышел из электрички, Шрам крутил носом. После пообвык. Городок вонял перерабатываемой нефтью, то есть вонял деньгами. А еще говорят, что бабки не пахнут.

Городок почти спал. За пешую прогулку от вокзала Сергею встретились: на рогах хляющий до хаты пролетарий с расквашенной мордой; стая устремленно рулящих куда-то еще по летнему легко разодетых девиц шлюшного норова, не иначе, как на танцульки; и два гопника с шакальным блеском в глазах. Обтяжав взглядами Шрама, гопники предпочли пройти мимо без проволочек, и свернули в темный переулок. Авось там попадется кто-то побезобидней.

А ведь внешне Шрамова шибко крутым не назовешь. Обыкновенный тридцатилетний дядька. Не толстый и не худой. Темноволосый и нос немного картошкой. Да вот есть что-то такое железное во взгляде. Да морщины резче очерчены. Да в фигуре что-то... непреклонное, что ли?

Наконец Сергей вышел на одну из главных улиц. Здесь уже была цивилизация. Изредка шастали машины, по своим делам топали редкие прохожие. Топал по своим делам и Серега Шрамов, беспечно размахивая нетяжелым полиэтиленовым пакетом.

Шрамову городок показался похожим на псарню, где между коблами идет вечная драчка за пайки. И эту навозную кучу ему предстоит превращать в правильный воровской цветущник? Михаил свет Геннадьевич не обмолвился, но рикошетом Серега прослышал, что двое человек здесь уже зубки обломали. Шрам заслан третьим.

Наверное, те двое не с той стороны ниточки искали. А что тут мудрить козырно? Город пах нефтью, а это значит, что Сергею придется измазать руки по локти в черном золоте. И скорее всего кого-нибудь придется в этой же жиже утопить.

Тускло светились витрины запертых магазинов, зато помпезно пылали холодным неоновым огнем вывески. Шрам с любопытством вертел головой – ему здесь жить. Магазин мужской верхней одежды «Фаворит», «24 часа», «Спортивная обувь», кафе «Чародейка» – закрыто, работает до 23.00, «Пункт обмена валюты» – тоже закрыт. А вот и то, что Сергей искал.

Лишенная всяких художественных наворотов скромная табличка «Баня». Даже в общем неоновом фейерверке не сразу и различимая. Зато дверь – броня крепка. Таковую дверь не постеснялся бы примерить и средней руки банк. И самое важное – верная примета, что в теремочке кто-то обитает. Третье окно на втором этаже распахнуто настежь, и от туда надывает динамики магнитофон:

*А мы такие жиганчики донские!
Мы из ростовских дворовых пацанов!
А мы вору– вору– вору– воруем!
Уносим ноги от погони мусоров!*

Шрам переждал, пока мимо не спеша продиффилирует ментовский бобик и от души кулаком несколько раз громыхнул в железную броню. Колокольный гул поплыл по этажам внутри здания. Из третьего окна на втором этаже продолжало шуметь на всю округу:

*А мы такие жиганчики донские!
Дедушка – Дон, а батюшка – Ростов!
А мы вору– вору– вору– воруем!
А ты попробуй – не догонишь, будь здоров!*

Шрам выждал с минуту и повторил вечерний звон. Вторая попытка оказалась удачней, и дверь, отлязгав отпирающимися запорами, с внушительным скрипом отворилась.

– Закрыто, – не миролюбиво прогундосил в образовавшуюся щель кто-то.

– Я хорошо отмакаю, – подчеркнуто вежливо предложил Сергей.

– Мест нет, – не клюнула на предложение та сторона, а голос стал еще гундоснее.

Тогда, полагая, что правила приличия соблюдены, Шрам за ручку от души дернул дверь на себя и таким манером выволок вцепившегося с той стороны в дверь банщика пред светлые очи.

– Ты че, опух!? – взвыл банщик уже не гундосным, а совсем другим голосом. Как в липком коктейле, в голосе один к трем мешались борзость и страх. Белый мятый халат на банщике вспомнил те времена, когда его регулярно крахмалили, и встал дыбом.

Сергей взял хама за грудки и отодвинул от входа, а сам вошел внутрь. Без комментариев.

Внутри ему понравилось. Светленько, чистенько, клубничным мылом вкусно пахнет. Насвистывая какую-то хулиганскую чепуху типа «Цыпленка жареного», Сергей прогулочным шагом двинулся вдоль выкрашенных в стерильный цвет морской волны дверей при табличках «Кастелянша», «Мозольный кабинет», «Гардероб», «Директор»...

– Закрыто! – догнал и засеменил сзади банщик. В коктейле его голоса убавилось борзоты и прибавилось страха.

– Уже нет, – вполне объективно отрезал Шрам, с любопытством осматриваясь, как на экскурсии в Третьяковской Галерее. Всюду белый кафель и в нем северным сиянием бликует свет неоновых ламп. В закутке ларек с гигиеническими прибабасами: шампуни, лосьоны и мазь против грибков. Тех грибков, что грибники собирают между пальцами ног.

– Мест нет! – заныл банщик, жалкий и потный в своем мятом халатике. А ведь на голову выше Сергея, и халат на животе не сходится. Пышные тела трясутся при каждом семенящем шаге, не человек, а студень.

Увидев табличку «Люкс», Шрам бесцеремонно заглянул внутрь, и его портрет размягчился в довольной улыбке:

– Уже есть места, – Шрам вошел в предбанник, сладко потянулся и хлопнул по плечу цепным тузиком волокущегося следом местного аборигена, – Значит так, дружек, пару часиков я попарюсь с дальней дорожки. А ты мне скоренько, что положено, подгони. Простынь хрустящую, полотенце махровое, мыло одноразовое и пару пива студеную. Девочек продажных не беспокоить... пока. И не бзди, я хорошо отмакаю, – Сергей, вроде оказывает первую помощь, небрежно сунул в нагрудный карман халата банщика соответствующую случаю купюру. Легонько подтолкнул пышнотелого аборигена за порог и с чувством исполненного долга плюхнулся в дермантиновое кресло.

До зоны, в прежнем житье-бытье Сереге часто доводилось обретаться в подобных бактерицидных пенатах. Ему были до жути знакомы жлобские кресла, бильярдный стол, на котором чаще пялили заказных шлюшек, чем гоняли шары. Его тошнило, хорошо хоть не

в буквальном смысле, от вечного в подобных местах шмона. Шмонило суммой дорогого пойла, тухлых яиц, одеколона и хлорки.

Увы, он не стал расстегивать пуговицы и снимать уже провонявшие потом в душной электричке шмотки, хотя помлеять в парилке мечталось. Не время. Лениво на ощупь порывшись в полиэтиленовом пакете, Шрам достал купленную против скуки на перроне еще в Питере книгу. И раскрыл там, где было заложено спичкой:

«...Тропическая лихорадка зацепила Андрея во время одной операции в бассейне Амазонки. Операция была самая рядовая: сбор и консервация ядов натурального происхождения для нужд секретной промышленности. Но однажды Тихомирову пришлось кухонным тесаком отмахиваться от стаи пираний – пошел картошку к Амазонке почистить, а здоровенная анаконда утащила под воду.

Пираний он, конечно, покрошил, получив всего десяток укусов. Вот бациллы сквозь эти ранки и просочились в организм...»²

Точно, прикинул в уме Шрам, без смертоносных ядов в нашем нелегком деле не обойтись. Надо будет навестить в этом городишке гомеопатическую аптеку. Он рассчитывал добить главу про отвязаного Андрея Тихомирова, но не случилось. Жалко завывала пнутая ногой входная люксовая дверь, и в тесный предбанник ввалилась троица жарко дышащих гоблинов. Вполне натурально настроенных на дезинфекцию помещения.

– Слыш, сывка, тебя предупреждали, что мест нет? – хищно ухмыляясь, вякнул явно старший в коdle. Остроносый блондинчик с пустыми голубыми глазами. Худощавый в разумных пределах, зато рослый не в меру, да и худоба эта была в тему, выдавала стальную сетку сухожилий и свинцовые шарики мышц. В правой руке блондинчика красовался третьметровый арматурный штырь. Этим штырем явившийся-незапылившийся с намеком похлопывал по ладони левой руки.

Сергей не спеша заложил книгу спичкой. На месте этих бойцов он бы выждал минут пятнадцать, дав неожиданному гостю оголиться, и только опосля являлся бы с визитом вежливости. С голым человеком завсегда проще толковать.

Однако ребятки оказались нетерпеливы – это их проблемы.

– Вечер добрый, честной компании. Проходите, присаживайтесь. У вас вопросы, у меня – ответы. – Шрам радушно указал на свободные дермантиновые кресла и протраханый диван, – А ты, братан, – выцепил он взглядом мнущегося за спинами троицы толсто-жопого банщика, – Сгоняй, любезный, за водярой. Сам знаешь, какую водяру твоя крыша предпочитает.

И столько уверенности в словах Шрама было, что банщик натурально рыпнулся мчаться за «Русским размером». Только не помчался, ибо блондин, не глядя, притормозил его за полу халата.

– Ты че здесь командуешь? – тем не менее чуть снизил обороты блондинчик. Слова он цедил, как глотки дорогой конины вроде «Крувуазье». При этом выпирающий кадык подрагивал нервно и хищно. Блондин был жилист и сух, то есть скорее всего в стычке брал не массой а талантами, и наверняка занимал лидирующее положение в тройке по праву. Случись что, начинать «агитацию» следовало именно с блондинчика.

– Разве я команду? – типа искренне удивился Сергей, – Я просто проставиться хотел. За знакомство рюмку хлопнуть. Прописаться как бы вроде.

– А с какого болта ты здесь прописываться собрался? – снова набрал угрожающей густоты голос блондина, – Тебе что, жить негде?

– Реально негде. Вот справка, – Сергей достал и протянул бригадиру сложенный вчетверо лист бумаги. Шрам довольно легко просек по повадкам справа и слева от блондина хму-

² И. Чубаха, И. Гречин «Тайна Черного моря» изд. «Нева» 2000г.

рящихся кунаков, в чем те сильны. Правый, с плоским лицом и кривой въевшейся в кожу навсегда ухмылочкой, почесывал руки и держал плечи, как заправский дзюдоист. Левый порывался по-боксерски пританцовывать.

Блондинчик почесал репу на тему: не слишком ли круто ставит себя незнакомец? Пока не нашел к чему придраться и выбрал ознакомиться с бумажкой...

...Ознакомился, сложил и не вернул. Сунул в свой карман:

– И какого болта, гражданин досрочно освобожденный, ты сюда приперся? – пустые голубые глаза блондинчика превратились в две щелочки тоньше лезвий бритвы. Ни какого уважения к оттянувшему срок человеку.

– Работу ищу. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ, – посчитал нужное подчеркнуть Шрам, чтоб его лучше поняли. Сергей никак не мог отгадать: правый – дзюдо, левый – бокс, а вот на чем поднялся блондинчик?

– Может ты – каменщик или плотник?

Правый и левый гоблины заржали. Правый распахнул пасть как можно шире и даже за живот ухватился обеими руками. Левый хихикнул пару раз из корпоративного духа и быстро заглох.

– Нет. Моя специальность в справке прокурорскими чернилами указана. Статья семьдесят семь, часть «Б».

– А с какого болта ты решил, что мы тебя на работу возьмем?

– А вы меня, братаны, в деле посмотрите. Жалоб не будет.

Блондин задумался. Блондин снова почесал репу и что-то прикумекал:

– Лады. Гуляй следом, – скомандовал он Шраму, развернулся на каблуках (правый и левый братаны тоже развернулись), – Про водку этот клиент в тему гнал, – кивнул старший рыхлому банщику, – Волоки, чтоб потом не бегать, сразу три пузыря.

– Куда нести?

– В кабинет, – многозначительно объяснил блондинчик и через плечо аукнул Сергея, – Кстати, братан, что-то я не расслышал, как тебя кличут?

– Зовут меня просто и доходчиво – Храмом, – любезно откликнулся Сергей. Поскольку находился в бегах, вслух и даже в липовой справке Шрам был вынужден пользоваться неродной кликухой.

– Ну а меня прозвали Пыреем, – нарекся блондин, – Это Леха, – кивнул он на боксера, – А это Стакан, – кивок в сторону плоскомордого дзюдоиста.

Так и не опробованный люкс остался сзади, хозяева и гость поднялись на второй этаж и оказались в зале, на кабинет ни как не похожем. В кабинетах не мостят кафельный пол и не ставят кафельные стены. Шраму зал сразу не пришелся по нутру – кафель хорош, когда кровь надо часто замывать. Однако напрягаться сверх положенного не следовало. Трое не планировали делать из Шрама пациента, потому что пациент на приеме в «кабинете» уже маячил.

Шнуром с болтающимся на конце кипятильником к стулу был привязан коренастый крепенький шницель, череп по центру лысый, как бильярдный шар, а по бокам увитый лавровыми вздыбленными космами. Хлебало мужика негигиенично залепляла серая полоска скотча. Присмотревшись, Шрам с удивлением заметил, что вместо левой ноги пытающийся порвать путы пленник шкарябает кафель деревянным протезом. Сразу стало понятно, зачем из окна кабинета прежде орал выключенный теперь магнитофон – чтобы покрывать другие шумы.

– Ну давай, Храмик, показывай профессиональные навыки, – мудреным оборотом нечаянно выдал блондинчик высшее образование. Он не стал приглашать к столу – краковская колбаса, маринованные огурцы, вскрытая литровка водяры – решил без проволочек приступить к делу.

– Задачу поставь, – с готовностью выступил вперед Сергей.

– Да вот, секи, эта гнида в наших Виршах кабак без спросу открыла. А теперь делиться не хочет.

– Надо, чтоб поделился? Ща сделаем, – Шрам пожал плечами, дескать, об чем базар? И перенял из руки блондинчика арматурину. С этой арматуриной он подступил к невнятно угукающему сквозь скотч и дико вращающему шарами мужичку.

Бросил косяка на Леху и Стакана. Леха явно внутренне поджался, и не потому, что арматурина перекечевала к чужаку в лапы. Пацана коробило от происходящего, то ли слаб в поджилках, то ли жизни не знает. А вот Стакан лыбился счастливо, чуть слюной не капал, Стакану ситуация была по кайфу. Стакан и сам бы с удовольствием обработал арматуриной инвалида.

– Нет, теперь делиться поздно, – цинично поправил Шрама в спину блондинчик, – Теперь надо, чтобы Александр Павлович перекинул на нас по протоколу пятьдесят один процент конторы и переписал на нас свою тачку. Хорошо бы еще, чтобы раскололся, где заначку прячет.

– А какая у него тачка? – живо внешне заинтересовался Шрам, маскируя совсем другие мысли. Когда с мужика списывают и фирму и тачку, предполагается – никто не собирается отпускать его живым.

– Последний вольвешник.

– Не слабо, – уважительно свернул губы трубочкой Шрам и одним махом сорвал скотчевую наклейку. А подозрения в голове набирали обороты. Если мужика собираются грохнуть, то коdle вполне реально понадобится и тот, кто за мокруху ответит. Ой, неспроста Пырей заначил справочку о досрочном освобождении.

Оказалось, мужик вращал шарами не по страху, а по ненависти:

– Козлы! Я в Афгане рубился, я там ногу оставил! Уроды! Попались бы вы мне в горах!

– Вишь, какой он у нас бойкий, презрительно ухмыльнулся блондинчик и врубил магнитофон:

*Держи, держи вора!
Поймать его пора!
Но всем известно,
Что не пойманный – не вор!*

– Хер вам, а не моя машина! Я ее горбом зарабатывал!

Леха, отвернув пасть в сторону, морщился. Леха был весь на изменах. Теперь Шраму как на духу стал прозрачен этот типа первую неделю быкующий пацан. Боксер не дрейфил, ему в натуре было жалко безногого мужика. Выходит, не ту кривую дорожку ты выбрал в этой жизни, сынок.

– Война давно кончилась, а папаша все воюет, – презрительно цикнул сквозь зубы изогнувшись хищным насекомым богомол и по насекомьи поджав руки к бокам, блондинчик.

– Береги патроны, – с иронией посоветовал бестолково рыпающемуся ветерану Сергей и обернулся к зрителям, – Не по делу вы его кипятильником повязали. Кипятильник вместо утюга мне его к согласию привести поможет, – и Шрам начал распутывать пленника. Он уже прикинул, как поведет себя дальше. Он уже был уверен, что справится с проблемами. Не авторитеты мосты разводят.

– Ты шарить, что делаешь? – засомневался блондин, – Клиент после застарелой контузии психованным остался. Пока мы его скрутили, он нам чуть пальцы не пооткусывал.

– Моя профессия – семьдесят семь, часть «Б», – дескать, не бзди, отмахнулся Шрам. И только распутал провод, тут же сунул в руку пленника арматурину со словами, – Ну, папаша,

вспомни войну! – и с разворота заехал носком меж ног наивно шкереющему зубы в улыбке дебелому Стакану.

Гениталии Стакана сжались в горошину. Братела заорал резанным кроликом и сложился пополам, как перочинный ножик, только очень большой ножик. А Шрамов уже оказался рядом с боксером Лехой и прямой наводкой сделал кулаком мат в три хода: в живот, в солнечное сплетение, в челюсть. Это вам не на ринге гарцевать, так драться Шрама учила улица. Леха потух, как выключенный свет, и улетел через диван. Боковым зрением Серега с глубоким удовлетворением отметил, что ветеран Афгана использует прут по назначению – приходится сложившегося пополам дзюдоиста в душу и в гриву. Магнитофон загрузил:

*Разведенные мосты – над Невой зарю встречали.
Разведенные мосты – треугольником печали.
Разведенные мосты – река разлуки между вами.
Разведенные мосты – утром встретятся губами.*

Острый нос Пырея зашевелился, будто у почуявшей мышьяк крысы. Блондин танцевально, не показывая зад, попытался выскользнуть из хором. Но Шрамов, завертев пропеллером шнур с кипятильником над головой, заарканил блондинчика за шею, дернул шнур на себя и встретил удивленную рожу коленом.

Кровавые сопли испачкали Серегины брюки. Блондинчик, уже ни шиша не соображая, прикинулся мертвым, как колорадский жук. Шрам предпочел не поверить и сурово наступил голубоглазому на руку. Кости хрустнули. Поздравляем с переломом правой руки.

– Папаша, отбой воздушной тревоги! – за ремень оттащил Шрам ветерана от крещеного арматуриной пускающего кровавые пузыри братка. Мимоходом выключил магнитофон. Схватил со стола сабонис «Русского размера», сам глотнул и протянул афганцу, – Остудись.

Гремя по кафелю костылем, инвалид приблизился, с благодарностью принял фугас и влил в себя не меньше четверти:

– По гроб тебе обязан! – выдохнул он вместо того, чтобы закусить.

– Помни свои слова, – благосклонно принял присягу Шрам, – Только слов мало.

– Хочешь долю в кабаке? – по-армейски без обиняков от всего сердца предложил спасенный.

– Мне с тебя не доля нужна, – устало улыбнулся Сергей, – Мне надо, чтобы когда я о чем-нибудь попрошу, ты выполнил, не раздумывая. А уж моя забота, чтобы тебе от этого кисло не стало.

– Я же сказал: по гроб тебе обязан.

– Это точно, – забрав ополовиненную бутылку, Шрам нагнулся над блондинчиком и первым делом вернул нагло заныканную справку о досрочном освобождении. Затем Сергей от души полил водкой свергнутого вождя, и за волосы притянул безвольную бошку, – Ты вроде в вузе учился? – даже не ради одноногого так жестоко проучил пацанов поздний гость. А потому, что он ведь ради того и появился в Вирши – учить оборзевшее бычье.

– До третьего курса, – боясь, что снова станут бить, без запинки сознался блондинчик.

– А на кого учился-то?

– На адвоката, – сознался блондинчик, извиваясь по полу длинным дрессируемым червяком.

– Ненавижу адвокатов, – вздохнул Шрам и также за загривок поставил блондинчика на ноги, – Сперва ты вернешь должок. А потом, если из Виршей не уберешься, в бетон закапываю! – не пугая, а именно ставя в известность, сообщил Шрам и отпустил низвергнутого беспредельщика.

Без поддержки тот снова рухнул – ноги не держали.

– Этих, – кивнул Шрам афганцу на вновь упавшего Пырря и отметеленного арматуриной Стакана, – В прикуп забирай. Расквитайся за недельку в подвале, а отведешь душу – выпусти. Со второго тоже клятву стряси, что из города уберется. А этого, – Шрамов махнул почти пустой бутылкой в сторону Лехи, – Я себе оставляю. Мне подсобный рабочий пригодится.

И как стоял, внезапно Шрам пнул со всей дури дверь. Она распахнулась, а подглядывающий в замочную скважину банщик полетел кувырком. Шрам вволок жирного индюка за шиворот в зал:

– Показывай!

– Что показывать? – проблеял дрожащий банщик. Похристосавшись с дверью, половина его раскормленной рожи постепенно начала вспухать и приобретать желто-фиолетовый колер.

Сергей не стал отвечать на глупый вопрос, а только замахнулся. Как бы чтобы дать звонкого леща.

– Понял-понял! – пуще задрожал банщик. Угрем проскользнул мимо страшного Шрама и с натугой отверз сидячую половинку дивана.

Под ней в ящике для барахла обнаружился небольшой арсенал – пяток гранат эргешек, газовый расточенный под мелкашку ствол, штык-нож и груда долларов россыпью. По прикике тысяч пять.

Лехе и Стakanу провал нехитрого тайника оказался до лампочки. Они смирно лежали в позах, в которых их оставили. Стакан пока не подавал признаков жизни, Леха жалобно постанывал. Блондинчик же от бессильной злобы зашипел, как обосцанный костер, и его пришлось пнуть в воспитательных целях.

– Вижу, злобу затаил. Надо бы тебя кончить, да цемента поблизости нет, а я за свои слова отвечаю, – огорченно вздохнул Шрам, – Приходится начинать почти безоружным, – огорченно вздохнул Шрам, – Жаль. Я рассчитывал на большее, – в третий раз огорченно вздохнул Шрам. Не жизнь, а сплошные обломы.

– Слыш, как тебя..? – несмело напомнил о своем присутствии ветеран, – Если надо, я хоть стингер достану.

– Меня зовут Сергей Храмов. Для тебя просто – Храм, – мыслями уплыв куда-то далеко, назвался Сергей.

– Слыш, если ты такой крутой... В этом городке есть много людей, которым надо помочь.

– Поможем, – устало улыбнулся Сергей, – Какие наши годы?

Так в команде Шрама появились два первых человека – Александр Павлович и Леха.

Глава 3

*Что мне Арктика с Антарктикой?
Не озябла бы душа.
Много ль надо арестантику
Чифирнуть для куража?*

*Что мне Арктика с Антарктикой,
Жескасан, Караганда?..
Я по жизни был романтиком,
Вот и вся моя беда.*

В глазах «дядьки Макара» плясали веселые бесенята, губы загодя кривила усмешка, «дядька Макар» травил байку:

– ...Перед посадкой стюардесса, як трэба, объявляет: «Громадяне пассажиры! Пристегните ремни безопасности». Ну, народ начинает пристегиваться. Однако в первом ряду сидит хлопчина и внаглую плюет на это разумное требование. Стюардесса, уже только для парубка повторяет: «Граждане пассажиры! Пристегните ремни безопасности». Той нибы глухой. Тогда дивчина говорит персонально ему: «Громадянын! Пристегните ремень безопасности». В ответ следует: «Да пошла ты...» Ну девка, понятно, обиделась и пошла жаловаться командиру. Через минуту вылетает командир, подскакивает к этому парубку и произносит следующие слова: «Хлопчик, ось ты себе представь! На посадке, если я трошки-трошки промахнусь мимо полосы, то самолет резко остановится, а ось ты полетишь дальше. Башкой вперед. И ось ты пролетаешь первую переборку (загибает пальцы), вторую переборку, третью переборку и останавливаешься у меня в кабине. Спрашивается, а на кой ляд ты мне там нужен?» И после таких слов хлопчина молча пристегнулся.

Оцю прытчу я розповив к тому, що кожна людина доброе слово любит. Ось ты подошел ко мне на вокзале по-хорошему. Ось я тебя в самую лучшую квартиру в городе привел.

Вообще-то Сергей крутился в этом городке второй день, но дядька об этом не знал. Вообще-то не Сергей Шрамов подошел к дядьке на вокзале, а Сергей подгадал так, что дядька подплыл к Шрамову, будто ворона к закосившей под дохлятину лисице. Но какая разница? Сергей выслушал «прытчу» в пол уха. Надо было решать. Прикинуть пуп к носу и определяться, а так ломало. Так было кисло на душе у Сергея Шрамова, не смотря на сыпящиеся из «дядьки Макара» одна за другой байки, что хоть на расстрельное дело иди, лишь бы депресняк слить.

И ведь квартирка Сергею на первый заход приглянулась. Главное – окна на две стороны и этаж в самый раз. Второй в пятиэтажке. Не припрет – не полезешь, а падать – соломку стелить не обязательно.

В окна слева сквозь пыльные и грязные, как бушлат четвертого года службы, малиновые шторы в квартиру ломился малиновый день, пачкая стены, скатерть на столе и дощатый пол малиновым вареньем, которое ложкой не зачерпнешь, как локоть, который не укусишь. В окнах справа открывался шикарный вид на убогий двор с уважаемой котами мусорной кучей, кучей угля и бдительной старухой на лавочке.

– Тю, хiba это тяжесть? Я такой груз на своем горбу усю жизнь тягаю! – безапелляционно заявил «дядька Макар» (как он сам себя назвал на вокзале) и потянулся к оставленному Шрамом на хромом стуле роскошному, из желтой пупырчатой кожи, дебелому чемодану.

Тем не менее Шрамов сам подхватил чемоданище и внешне небрежно задвинул под стол. Делалось это с таким понтом, будто в чемодан скарбу напихано на три пуда, хотя на самом деле тот был легче пачки соли «Экстра». Честно сказать, пустой был чемоданище;

купленный два часа назад в «Галантерее» на другом краю городка именно с прицелом на играемый сейчас парад але.

– А можэ щэ на вокзале вещи есть? Не турбуйтесь, я швыдко сбегаю. Одна нога тут, другая там, – «дядька» был светловолосым, обрюзгшим, невысоким, плешивым, с лицом, покрытым веснушками и морщинами, и сверх того – он все время улыбался.

– Холодильник не пашет, – типа претензии высказал Сергей.

– Холодильник? Я на эту тему ось яку прытчу розповим, – тут же включил балаболку хозяин сдаваемой хазы, – Один хлопец с соседней улицы сходил к урологу. Ну и вколол хлопцю ликар так называемый «тест». Реакции у парубка прорезались, в три раза швыдче оговоренных ликарем сроков. Ликар осмотрел и ободрил, что все в порядке и в этой области. А теперь, балакает, давай зроблю укольчик, и эрекция пройдет. Та дэ ж вы бачили мужика, який бы добровольно с таким приобретением расстался? Доктор посмеялся и говорит, что через три часа само уляжется, ездай домой, жинку порадуй. Три часа хлопец мучил жинку, прежде, чем она вырвалась из его лап. А член все не падает. И оказывается, что вовсе и не такая уж это гарная штука, когда долго стоит. В общем, больно уже парубку было. Он без трусов мечется по хате, жена спит. А тут скинчилься пять часов, после которых по инструкции надо было звонить в клинику. После долгих расспросов, как стоит, сколько часов стоит, были ли половые контакты, ему посоветовали приложить лед к члену. А у нас, звыняйце, не Флорида, чтобы лед в каждом холодильнике просто так лежал. Не едят его у нас. В общем, у хлопця в морозильнике только пачка пельменей, да замороженная курица лежали. Даже на стенках льда не было – жинка недавно размораживала. Достал тогда он курицу, обмотал рушныком, положил на нее член и ждет. Не падает. А курица только с одного боку член охлаждает. Может маловато? Тогда хлопец взял покойницу и то место под гузкой, через которое курицу потрошат, ножом разколунав. Получилось вполне гарное дупло. Обмотал наш умелец член полиэтиленовым пакетиком, сверху салфеточкой обвязал и аккуратно так в курицу засунул. Член упрямо стоит и даже не думает падать. Более того, к неприятным ранним ощущениям прибавилось чувство, что парубок свой прибор сейчас отморозит. Тогда наш герой пытается птицу снять – тоже не выходит. То ли примерз, то ли за ребра зацепился. Тут на кухню заходит жена и бачит такую картину: стоит муж голый посредине кухни, на член одета замороженная курица, держит он ее двумя руками и совершает возвратно – поступательные движения...

– Не надо за шмотками на вокзал мотаться, нет у меня больше барахла, – никак не отреагировав на историю, очнулся Сергей, – А насчет хаты – лады. Устраивает, – напоследок еще раз окинул взглядом квартиру Сергей Шрамов и протянул три свернутые в трубочку купюры.

– Гроши крупные, – замялся дядька Макар и очень нехотя медленно-медленно полез в карман. Как бы за сдачей.

– Оставь себе, – небрежно отмахнулся Сергей, ну чисто жирный котлетный барыга, – Дубликаты ключей есть?

– Были, та загубыв, – обрадовался халяве «дядька», – Так может, я на сдачу того, сбегаю...

– Не пыли, – Сергей оседлал расшатанный стул и недвусмысленно зевнул. А в глазах скука смертная. Предстояло опять за что-то биться. Предстояло все время быть начеку. И завтра, и послезавтра, и через месяц, и через год. Пока не сдохнешь.

Макар вроде бы просек намек и нацелился на выход:

– Ну тогда я пишов. А за грошима буду являться каждого пятнадцатого числа.

– Являются черти и ангелы, – опять, давя на чужие глаза, сладко зевнул Сергей и расстегнул верхнюю пуговицу на рубахе. Он не стал провожать сдавшего квартиру хозяина и с закрытыми глазами дождался, пока не хлопнет дверь.

Дверь хлопнула.

И только после этого Сергей заставил себя начать осматривать снятую квартиру всерьез. Шрам пока окончательно не прикинул: сурово ли здесь осесть, или использовать хазу, как запасной аэродром. Да и с «дядькой Макаром» следовало обойтись «по совести». Именно такого типа и искал Шрам на вокзале, именно ради такого типа и покупался желтый чемоданчик.

На кухне Шрама обложил кудахтающим матом водопроводный кран. И только после этого выплюнул струю теплой воды в ржавый умывальник. Никаких харчей в забыковавшем еще до Перестройки и обжитом пауками холодильнике не сыскалось. Пусто на предмет пожрать оказалось и на полках. А вот посуды навалом для одинокого жильца. Три разных тарелки, граненый стакан, две ложки и вилка без одного зуба.

Шраму предстояло перелицевать и перептсать Вирши набело. Папа поставил задачу осадить здешнее разгулявшееся бычье, и вернуть жизнь на понятия. Что его кидают на амбразуру, Сергей догнал легко. Зачем кидают – не понял.

Шрам позволил себе еще минуту соплей. Еще бессмысленно пораскачивался на хромом стуле, смакуя душевную шкуру. Тяжело вздохнул последний раз и, мысленно шестиэтажно выматерившись, засунул тоску под каблук. Надо было дело делать. И Сергей Шрамов приступил к форменному обыску.

В первом зале в хлипком стенном шкафу Шрам нашел перетянутую резинкой пачку похабных открыток. Во втором – под тахтой «Огонек» за девяносто первый год и закатившуюся губную помаду; на этажерке оттопыривался засохший в вазе букет роз и корчился выцветший читательский билет в Библиотеку им. Маяковского на имя фиг знает какого Сабурова М. Д.

С одной стороны выводы были утешительны. Эта хибара населялась жильцами от случая к случаю, а большую часть времени пустовала. И вряд ли была на заметке у местных непуганых ментов, поскольку не подходила под понятие «притон» – ни шприцов закатившихся, ни бардака ханыжного. При решении папиной задачи именно такой схорон Шраму – как воздух. Окраина, подступы на мушке, местное бычье сюда вряд ли забредет, гужется в центрах. С другой стороны дядька Макаров...

Сергей вернулся в первую комнату и надолго прильнул к окну с малиновыми шторами. Могло показаться, что он любит виды на мирную жизнь. Но в натуре Шрам зарисовывал в голову местную картинку: наглые кусты сирени, вымершую и похеренную голубятню с амбразурой в форме сердечка, пьяно перекошенный забор и слева подкрадывающуюся к городку березовую рощу. Рощей Сергей полюбовался подольше, не по делу, а для души. Типа терапия.

Все. Шрам принял окончательное решение здесь поселиться и, тихарясь, сдвинул оконный шпингалет. Тот щелкнул не громче треснувшего ореха. Смахнув в карман со стола ключ, Шрамов вышел из квартиры. Осмотрел дверной замок снаружи и лестничную площадку, рачительно запер дверь на два оборота. Подергал ручку – верно ли запоры служат? И уже не таясь, загремел вниз каблуками по лестнице.

– А где, бабуля, у вас тут продуктовый магазин поблизости? – бодро окликнул он дышащую свежим воздухом у подъезда мымру.

– Ой, сынок, не близко! – будто ждала именно этого вопроса, откликнулась старая ведьма, – Надо по Пионерской, а потом свернуть на Загородный. А там рядом с аптекой.

– А что-то, бабуля, других жильцов в доме не видать? – якобы проявил бдительность Сергей, дабы совсем уж лохом не рисоваться. Ну не спрашивать же старуху, не боится ли она сидеть в одиночку на лавочке?

– Так лето ж, сынок. Усе на дачах, – бойко отрапортовала ведьма, будто была готова именно к такому вопросу. Десять против одного, она шустрила под дядькой.

– И то правда, – согласно кивнул Сергей и через унылый двор вышел на нешумную улицу. Разве что где-то далеко кто-то вдрыск упившийся орал песню про морячку. Но как только замылился с глаз старухи, отправился никак не в магазин – двинул огородами вокруг дома.

Легко углядел свое заветное малиновое окошко на втором этаже. Легко забрался по водосточной трубе (надо будет подпилить против незваных гостей) на второй этаж и снова оказался в квартире.

Опасаясь наделать шороха, на цирлах двинулся в заднюю комнату. Но кое-что вспомнил, вернулся и запер наглухо окошко.

Понтовый чемодан желтой кожи Сергей перенес во вторую комнату и поставил так, чтобы был замечен еще с порога входной двери.

Долго ждать не пришлось, видно, в этом драном городишке все спешат жить. Сухощелкнул ключ в замочной скважине. Заскрипела входная дверь. Раздались приближающиеся шаги. И в дверной проем за чемоданом протянулась жадная рука. Что это рука «дядьки Макара», Шрам мог зуб дать, потому как тыльную сторону ладони украшала наколочка. Цапля, поймавшая лягушку. Наколка редчайшая. Не на всякой зоне знают ее тайный смысл.

И именно эта картинка в первую очередь, еще на вокзале, заставила Сергея радостно напрячься, когда «дядька» предложил недорого поселить в приличную хату.

Ждать, что будет дальше, не имело понта, и Шрамов за протянутую клешню вдернул «дядьку Макара» в заднюю комнату.

– И снова здоровеньки булы! – в двусмысленной улыбке ощерил пасть Шрам, – Шо, диду, не спытсья?

– Да я шо? Я ничего такого! – стал ловко лепить горбатого застуканный кидало, – Я згадав, шо еще один ключ от хаты имеется. Ось и принес. Та бачу, шо чемодан посэрэд хаты забулы. Я хотив его под стеночку подвынуты...

– А что старый, часто ли ты в этих стенах заезжих фраеров бомбил?

– Не розумию. Чудные якись слова, никола таких не чув. Я тоби ось какую байку раскажу. Было цэ в центре Виршей на улице Славы два рока тому. Ранняя весна наробыла лужи на проезжей части. Стоит народ сплошной стеной на автобусной остановке. Подъезжает автобус. Тильки между тротуаром и автобусом образуется зазор метра четыре, который заполнен дуже грязной водой. Люди на остановке не спешат к автобусу: кому охота стоять в луже. Чекають, пока прибывшие пассажиры покинут борт судна. Ось открывается дверь, и якыйсь хлопец решает перейти лужу на пяточках. Робыть эlegantный шаг и уходит в пучину с головой... То есть: бульк и нема. Только круги по воде, да и те без пузырьков...

Народ на остановке лякается и вже не хочет никуда ехать. С утопленника внимание переносится на тётку, яка повинна была выходить следующей. Тетка упирается. Черствые попутчики кричат и пихаются – они не бачылы, шо случилось с первым пассажиром. В это время выныривает, отфыркиваясь, первопроходец. Совершенно нормально становится на пяточки и идёт себе по воде. Видно, что с человеком всё хорошо, только мокрый он и матерится страшенно. Люди на остановке расступаются, пропуская воскресшего. Жинка, заинтересовавшись возвращением утопленника, ослабляет хватку и получает от пассажиров мощного объединённого пендаля. Дамочка плюхается в водоём, создавая кучу брызг.

А через якыхось десять хвылын приезжает Горводоканал и ставит решетку ливневой канализации на место...

– От таких телег всей камерой рыдают. Ладно, старый, стопори на балалайке мудохаться, – Сергей кивнул подбородком на тишком появившийся в левой руке «дядьки» ножик, дескать, не слепой, ситуацию контролирую, и лучше бы ты, старый пердун, перо убрал по хорошему, – На какой зоне пайку нюхал?

– Та хйба все запомншь? – по инерции вякнул старый и в сердцах швырнул финку на пол. Та встряла и затряслась юлой, – Ось какой ты умный! – поникли плечи дядьки, – Все бачишь, хай тоби грэць! Та я тэж зразу подумав, що ты дуже нэ проста птыця!

– А какого жбана на чемодан тогда рыпнулся?

– Так йисты ж хочется!

– Ну что ж, дядька Макар – Сергей извлек из кармана еще одну купюру, – Дуй за закусью и за тем, что перед закусью принимать полагается. И каргу свою с шухера к столу пригласи. А то, как вертухай срочной службы, голодными беньками зыркает.

Дядька поскреб темя и подчиненно двинул на выход.

– И слышь, – Шрам начал разминать себе шею вроде массажа, – Дружкам-приятелям молчи про меня.

– Да нэма в этом задрюпанном городке дружков-приятелей, – грустно вздохнул дядька, – Одна борзая шпана без понятий!

Именно такую цаплю Шрам и высматривал на вокзальчике. Хоть такой поеденный мрлью вор в подручных – уже дело.

– А хачиков на рынке много?

– Я тебе ось какую прытчу про черных розповим. Туточки на улице Ленина робыть автосалон «Три товарища». Взялы туда продавцом дивчину Настю. Дуже гарну. Тильки в марках машин её так и не научили розумиты. И ось в салон вошло лицо кавказской национальности и сказало: «Дэвушк, я пассат хачу», Настя поняла эти слова трошечки не так, що человек хоче купить машину «Фольксваген – пассат». То есть зовсим по другому. Дивчина вздрогнула и переспросила: «Що-що вы бажаєте?». «Пассат сичас хачу», – повторил кавказец и похлопал себя спереди по карману штанов, намекая, що гроши при нём. Настя поняла – хлопцу так невтерпёж, что он готов справить малую нужду прямэнько посреди салона. «Туточки нельзя». «Пачэму нэлзя?» – удивился кавказец. «Там можно» – Настя швыдко замала на дверь с буквами «WC» в дальнем конце салона. Лицо кавказской национальности узнало знакомую букву W, украшающую радиатор машины, первую часть названия которой он никак не мог згадать, и не торопливо направилось к двери. «Пассат хачу» – распахнув дверь и побачив сидевшую за столиком пожилую жинку, произнес кавказец. «Можно» – тоже вполне определённо поняв его, разрешила тётя Шура и заломила цену: «Десять.»...

– Дядька Макар, – заржал Шрам, наконец черная тоска отпустила до следующего срока, – Ты мне эту байку потом дотравишь. Я так врубаюсь, у вас здесь магазины рано закрываются. Да и в темень пожилым людям разгуливать рпасно, шпане все твои наколки – китайская грамота. Без хавки останемся!

– Ешканый бабай! – невесело хмыкнул дядька, – Со шпаной еще яось управлюсь, а вот склероз... – и, почесывая затылок, отправился в лабаз за закусью и тем, что перед закусью принимать за знакомство полагается. За холодными закусками и огнестрельными.

Так команда Шрама пополнилась третьим бойцом.

Глава 4

*Я помню – давно учили меня отец мой и мать:
Лечить – так лечить, любить – так любить, гулять – так
гулять,
Стрелять – так стрелять!
Но утки уже летят высоко.
Летать – так летать!
Я им помашу рукой.*

– А чем наша фирма будет заниматься? – спросил Леха, балансируя на раздвижной лестнице под потолком.

– Пока не знаю, – честно ответил Сергей, позевывая и поигрывая фомкой. Перед ним весь такой крепенький на полу громоздился деревянный ящик. Обыкновенная посылка, только очень большая посылка.

– А как наша фирма будет называться? – спросил Леха, продолжая с кайфом ковыряться отверткой в плафоне.

– Пока не придумал, – честно ответил Сергей, принаравливаясь, как бы с фомкой к ящику подступиться.

– А где мы народ для работы набирать будем? – убрал отвертку в карман Леха и принялся ввинчивать в плафон лампочку.

– Сами подтянутся, – наконец улыбнулся Сергей. На месте Лехи он задал бы вопрос иначе: «А зачем вообще этот офис?». «А затем, – не ответил бы Шрам, – Чтобы все козлы меня здесь искали, пока я спокойно буду планы строить на хате дядьки Макара.»

– Готово, – отрапортовал Леха, – сполз по ступенькам на пол и щелкнул выключателем. По всему офису вспыхнул свет, – Короче, я к тому, что у меня бате три месяца бабки не платят. И еще полно корешей.

Ровный свет не придал офису уюта. Не требовалось семь пядей во лбу, чтобы прочухать – помещение только начали обживать. Даже кресла вокруг новенького, еще и муха не трахалась, стола были увиты серпантинном оберточной бумаги.

– Ты, оказывается, в проводах петришь, – хмыкнул Сергей Шрамов.

– Помаленьку. Я в армии электриком корячился.

– Значит и быть тебе замом директора по электрическим вопросам. Да ты, братуха, вижу, и не рад?

– Храм, – замялся, будто горькую пилюлю раскусил, Леха, – Тут такое дело... Короче, звонил мне с утрца Пырей...

– Наш блондинчик, выходит, таки ласкового совета не послушался? Не отвалил из Виршей по добру, по здорову?

– Как Палыч его из подвала выпустил, Пырей прямиком к хачам на поклон двинул.

– Не самый умный поступок, – неодобрительно цыкнул зубом Шрамов, то ли всерьез, то ли прикалываясь. На самом деле не прикалывался. Его заслали вразумить этот городок. Привести все к понятиям и ответить денежный ручеек в общак. А тут какая-то сявка, даже не сявка, а бычек недомурыженный с тупыми мечтами не растает. Или виноват Сергей? А ведь верняк виноват. Слабо учил.

– Он с утрца не просто потрепаться звонил, он к себе опять звал. А про тебя вякал, что ты – человек на день. Хвалился, будто сегодня его новые друзья из Питера какого-то крутого хакера подогнали. И тот кроме прочих услуг по ментовским столичным компьютерам заодно все и про тебя прочитает.

– Нет бы прямо спросили, кто я такой, зачем я такой? – недобро сжал в руке фомку Шрам, аж костяшки пальцев побелели, – Ну а стакан? – Граму пора было дело делать, а не фуфлыжников шухарить. Генеральный папа, ставя задачу, вроде как на нефтяные резервы намекнул. А тут, видишь, один гвоздь приходится заколачивать дважды. Большой минус самому себе.

– Стакан срыл с концами.

– Более умный поступок, – Сергей с маху всадил фомку в щель меж досками на ящике да так и оставил, – Собирайся, братуха!

Леха с сожалением окинул взглядом свежееотгроханный офис: кумарно пахнувшие краской стены, сверкающий паркет и белый подвесной потолок. Явно покидать тепленькое убежище посреди ночи Леха не рвался.

– Сцышь? – прищурился Шрамов.

– Не без этого, – сознался подчиненный, и задвигал конечностями проворней. Он сбросил заляпанную белилами ветровку и отворил дверцу шкафа:

– Пиджак, галстук?

– Обойдутся, – небрежно отмахнулся Сергей.

Тогда Леха напялил «униформенную» кожаную куртку. И они вышли на лупающую редкими фонарями улицу. Из городских шумов только вопли пьяной драки в далеком кабаке. Прохожих – ноль.

– Значит, не купился ты на Пырейское приглашение? – через два квартала гнетущего молчания бросил сузившимися глазами косяка на Леху Шрам.

– Да я со стороны прикинул, в какой мы беспредел опускались, и муторно стало. – Леха даже поежился, будто его пробрал ночной сквозняк.

– К тому же под азерами пахать, небось, не сладко? – подкинул словцо Сергей.

– Не то, чтоб не сладко. Если короче – то полный отстой. Они на словах крутые башлять, а по делу – жмоты жмотами.

– И как же это жмоты на хакера расщедрились?

– Он им за мешок шмали не расплатился, должен отпахать. А они решили за такие дела этого гения нашему главному менту Ивану Ивановичу в подарок определить. Вроде взятки натурой. Даже обратный билет фраеру не светит. Хотят его в подвал на вечный прикол посадить, как крейсер «Аврору». – Леха сторожко оглянулся, нет ли случайных свидетелей его откровений? Пустые хлопоты. Честные виршевцы не имели привычки бродить по ночам.

– Совершенно тупой поступок. Такое только черные придумать могут из зависти к чеченам, – Шрам остановился у старенькой двадцать первой «Волги», заботливо хозяином загнанной на газон, – А вот по газонам ходить запаadlo, – глубокомысленно изрек Шрам, заглядывая в салон. Внутри ему понравилось, и он локтем высадил боковое стекло... А через секунду отрубил сигнализацию и уже оказался в салоне сам. Сигналка и вякнуть почти не успела, – Чего пасть раскрыл? Грузи зад, – вежливо пригласил Сергей подчиненного занять место рядом в машине.

Леха послушно забрался на свободное сидение:

– Храм, не подумай, что дрейфлю, но не в правилах Пырея все подробно посторонним людям разжевывать. А я ведь типа теперь для него чужой, а он вдруг душу распахнул. Похоже на лажу.

Шрам на это ничего не ответил. Завел тремя спичками внахалку чужую тачку и преспокойно выкатил на проспект. Если хозяин и слышал короткий мявк сигналки, то пока решался выскочить с дубьем в это не жалуемое рядовыми виошевцами время суток...

– Храм, у них человек двадцать. У них стволы. Какой бы ты крутой ни был, с голыми руками нам рога поотшибают! – машинально, выдавая трудное детство, шаловливые Лехины руки обшарили бардачок. Ни шиша. Тогда Леха врубил приемник. Дряхлый аппа-

ратик не мог подцепить ни «Радио Петроград», ни «Русский шансон», зато нашарил в эфире криминальную сводку по «Маяку»:

– «...В башкирском городе Стерлитамаке погиб старший оперуполномоченный МВД республики Азат Хисматулин. Как сообщило ИТАР-ТАСС, возвращавшийся вечером с дежурства милиционер по просьбе жителей одного из домов в центре города попытался успокоить группу пьяных хулиганов. Но один из хулиганов оглушил его ударом кирпича по голове, а другие забили до смерти ногами. На следующий день двоих преступников удалось задержать...»

И на это ничего не сказал Сергей Шрам. Покружив по уже узнаваемым сонным Вишевским улицам, попугав зеленоглазых котов, он тормознул на заправке.

– Полный бак закажи и прикупи пару канистр, – распорядился Сергей ерзающему на месте попой подчиненному, – Их тоже под завязку залей.

– Мы рвем когти из города? – вроде как облегченно вздохнул Леха.

И именно этого вздоха от него Сергей и ждал. Потому как обыкновенным словам давно отучился верить. А так – все пучком. Рекрут честно бздит. Страшно ему всего вдвоем с бравым командиром против хачиковской грядки выступать. И нетути у него никакой задней мысли завлечь Храма в объятия прежних корешей. А по сути Лехиново вопроса Шрам ответил коротко и неясно:

– Рвать сейчас когти – не самый умный поступок.

По «Маяку» круто серьезным голосом продолжали читать сводку:

– «...В Москве застрелили президента финансово-строительной корпорации „Росзападстрой“, бывшего замминистра строительства СССР Андрея Малахина. Его корпорация участвовала в восстановлении Чечни после первой войны, ремонте Белого дома и строительстве многих крупных объектов. По данным агентства „Интерфакс“ мотивы преступления пока не установлены. Но скорее всего это начало борьбы за деньги, которые правительство собирается выделить на Чечню после завершения идущей сейчас войны...»

Пока Шрам звонил кому-то из телефонной будки, Леха заправил машину и водрузил две сыто булькающие бензином канистры на заднее сидение без уважения к салонному велюру.

Чахлый приемник не останавливался:

– «...В воскресенье вечером в Петербурге было совершено нападение на магазин „Диадема“, входящий в систему госпредприятий „Ювелирторг“. Преступник, действовавший в одиночку, тяжело ранил охранника, разбил шесть витрин и похитил несколько десятков изделий из золота и драгоценных камней. Стоимость похищенного до сих пор не подсчитана, однако уже ясно, что речь идет о сотнях тысяч долларов...»

– Алло! – вдруг за окном «Волги» нарисовался бдительный шустрик с заправки, – Что-то мне тачка ваша знакома, – попытался он то ли наехать, то ли мзду выклянчить, то ли светскую беседу от скуки начать. Жаль сумрак уличный не позволял более точно прочитать намерения шустрика по роже.

– А вас то мне и нужно! – мигом сориентировавшись, Шрам оказался вне машины и радушно протянул шустрику ладонь для пожатия.

Растерявшийся работник заправки руку-то пожал, а вот освободить ее не смог.

– Слышишь, урод? – процедил Шрам титановым голосом, – Будешь в гляделки слякотно играть, я тебе левый глаз проткну указательным пальцем. Усек, будущий Кутузов? – а за сим Шрам, как ни в чем не бывало, заулыбался по-американски, а не по-человечески.

– Усек, – сдавлено пискнул шустрила.

Сергей развел руки, будто собирается обнять шустрика. Но тот, воспользовавшись освобождением, быстро испарился. На своем посту он привык своевременно схватывать суть, когда с ним толкуют таким тоном.

И опять внагиак угнанная «Волжана» покатила по улицам. Последней в рассказанной «Маяком» сводке оказалась история про то, как «...Дезертировавший из Чечни военнослужащий был убит при задержании у хутора Виноградный Курского района Ставропольского края. Солдат пытался скрыться от преследовавших его милиционеров, а когда они настигли его, бросил гранату. Как сообщает РИА „Новости“, осколки не нанесли вреда милиционерам, и ответным огнем они смертельно ранили преступника.»

– Прямо... Направо... Здесь, – некультурно ткнул пальцем Леха в типовое двухэтажное здание с вывеской «Торговый Дом „Баку“ 24 часа», – А этот хмырь с заправки нас не заложит?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что торгует, не пробивая чек, – выдал сквозь зубы шуточку командир.

Сергей проручил еще чуть-чуть, чтоб тормознувшую машину не было видно из окон за деревьями, и прижался к поребрику. Прежде чем спрятать руки в карманах, придушил начавший втюхивать рекламу зубной пасты «Маяк». Черная турбаза на Шрама не произвела впечатление. Не крепость, колючей проволокой не огорожена, сторожевые псы с цепей не рвутся. И пусть его ждут внутри горячие азербайджанские парни, особых проблем Сергей не видел.

На окнах опущены жалюзи. Сквозь жалюзи кое-где пробивается свет, а кое-где нет. Наверно, пара бойцов пасет в щелочки или телекамеры окрестности. Наверное, жильцы турбазы худо бедно вооружены. Плевать.

– Закрыто! – очень удивился потный от напряжения Леха, – Чтоб азеры торговлю остановили!?

– Серьезно готовятся, – недобро улыбнулся Сергей. Он уже был собран и настроен. Настроен на предстоящую схватку. Больше никаких приколов-отчебучек. Нервы – гитарные струны.

– Закурим? – Шрамов протянул соседу пачку светлого «Мальборо».

Пока ни во что не врубающийся Леха послушно закурил.

– Теперь, братишка, бери канистру.

– Дай докурить.

– После кайфовать будем, дорогой товарищ, – с нажимом процедил Шрам. Затемненное, и чуть освещенное только красным огоньком сигареты его лицо было страшнее, чем у Терминатора, – Теперь бери канистру!

Леха послушно потянулся за канистрой, держа тлеющую сигарету в как можно дальше отнесенной левой руке.

– А теперь, Леша, ты сседишь весь бензин на запертую дверь и бросишь окуроч, – даже краешком глаз не глядя на бойца, обрисовал Сергей тому дальнейшие планы. И говорил непростые слова Шрам, как нечто само собой разумеющееся. Чтоб молодой раньше времени не обделался.

– Я!? – сжался парень.

– Так надо, Леша. Теперь наш черед в сводку попадать, – только и сказал Шрам.

Но прозвучало это с такой интонацией, что Леха сразу стал готов ко всему. Выплеснуть бензин на дверь? Пожалуйста. Выломать дверь голыми руками? Легко. Вцепится в плотку первому встречному азеру? Без проблем! Лишь бы не выглядеть в глазах сидящего рядом человека последним чмом.

Очевидно, Шрамов просек бурление внутри бойца и посчитал разумным дружески хлопнуть по плечу:

– Будя психовать. Не надо бросаться на амбразуру попой вперед, – дал установку Шрам голосом спокойным, как шелест листьев.

И пересилив себя, Алексей с канистрой и сигаретой неловко выбрался из лайбы.

– А бросишь окурочек, тихо и спокойно отчаливай. Вот тебе четыре тонны баков, – напутствовал Шрам, – Кстати, залегай на дно неглубоко. В офисе еще розетки поставить надо. Вот ними и займись, а то наемным работягам ничего доверить нельзя. И только если я не вернусь к утру, дуй на все четыре стороны. А если вернусь, у тебя до утра еще одна работа будет.

– Какая? – растерянно промямлил Леха.

– Хозяина «Волги» вычислить и три штуки баков ему заслать.

– Так этот драндулет больше пятисот баков никак не тянет! – совсем уже ошалело промышчал подчиненный.

– Вот именно. Нафиг нам надо обижать невинного человека. У него и так с ментами проблем будет выше крыши. Ну все, ступай с Богом.

Нелепо прижимающий к животу канистру Леша двинулся к дверям. А Шрам глубоко затянулся и выпустил идеальное кольцо дыма. Не успело курчавое колечко растаять, как Сергей перегнувшись через сидение, свинтил крышку и опрокинул сзади вторую канистру. Пущай себе хлещет на коврик. Тут же запах бензина защекотал ноздри.

И тут же выжимая газ до последнего, с ревом бешенного марала Сергей по крутым колдобинам погнал «Волгу» вокруг здания. Танки грязи не боятся! С тылу, как и ожидалось, магазин подпирали пристройки с тарой. Ящики из под водки, ящики из под консервов, ящики из-под хрен знает чего. Фанера, пластик и картон. Вот прямо в это хрен знает что Шрам и нацелил воющую свою последнюю блатную песню машину.

Разжав пальцы с сигаретой, пока та находилась в свободном падении, выпрыгнул за десять метров до фанерно-пластиково-картонной баррикады. Перекувыркнулся через спину на голой земле, покатился и успел увидеть, как отмахивая распахнутой дверцей, «Волжана» протаранила в щепы ряды ящиков.

«Раз. Два. Три...» – считал мысленно Сергей. А в здании уже начался кипеш. «...Семь. Восемь. Девять.» На счете «Девять» наконец полыхнуло. Пионерские галстуки огня празднично задрогались над зарывшейся по крышу в щепки «Волгой», перекинулись вправо и влево. Огонь загудел, как высоковольтная линия электропередачи. И тут же с фанфарным звоном лопнуло ближайшее окно.

Хлопнула дверь. Вокруг непреклонно набирающего силу огня засуетились человеческие силуэты, горласто заквакали по-ненашему. Это не мешало Шраму любоваться делом рук своих. Какое-то особенное наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются.

Зато слегонца саднило душу Сергею, что Лешка держал себя так шатко. Ну и толку, что азеров – не меньше двадцати голов, и где-то у них волыны припрятаны? Сергей бы понимал Алексея, если бы шел на людей схожего цвета кожи, даже на тех же бычков. Тут – да. Десятикратное преимущество – это довольно много. Хотя, если припрет – тоже сворачивать не смей. Но хачики – есть хачики. Они не воевать, а торговать рождены. Вот пусть себе торгуют и не выдрючиваются.

Еще калькулятор с пейджером путают, а об компьютерной грамотности размышлялись, уроды. Не нравится, возвращайтесь баранов пасти!

Сергей дождался, когда огонь запляшет по окнам, будто играя в классики, а к зданию с разных сторон подплывут синие мигалки пожарных машин. В маленьком городке пожарники сумели уложиться минуты в три.

Отделившись от шершавого ствола тополя, украшенный боевой раскраской из света и теней Шрамов кинулся в самую гущу мечущихся людишек. Весь такой на понтах: рубаша от Версачи, лаковые туфли от Мисимы, нос и губы от папы. Кое-как Сергей разминулся и типа

почти на законных основаниях оказался внутри магазина. Ну, может, не совсем на законных, но пропуск у него не спросили.

«Доброй ночи, господа! Вас приветствует представитель канадско-российской компании...»

Первым делом Сергей собирался, прикидываясь веником, подкрасться к электрощиту и вырубить свет. Однако кто-то из туземцев оказался достаточно наблатыканным по технике безопасности и решил эту проблему раньше Шрама. И Шраму достались полны горницы мечущихся в накатывающем волнами дыму и во мраке людей.

Впрочем мрак трудно было считать за непроглядный. Неавторитетная питерская молочно-белая ночь вползала в окна там, где ее пускало пламя. А там, где не пускало, то есть плавило окна снаружи, и так было светло почти как днем. И тем не менее расклад был на стороне Сергея. В панике, в выедающем глаза дыму, в чумном красном свете фиг кто мог просечь, что в здание проник чужак. Тем паче ары, привыкшие к стихийным бедствиям типа землетрясений, приняли пожар за естественное явление, и каждый шустрил в меру своей подлости.

«...Наша канадско-российская компания предлагает вам ознакомиться с образцами выпускаемой продукции. Сегодня мы проводим презентацию товара и по-этому отдаем почти даром. Вашему вниманию предлагается пожар третьей категории. Одна штука...» – две очень серьезные причины заставили Шрама сунуться в самое пекло. Нет, за причину не стоило учитывать то, что он просто не мог не ответить, когда собираются наехать. Он всегда наезжает первым. Он заслужил это право тем, что чалился, тем, что блевал и срал тюремной баландой, и не ссучился. Тем, что до сих пор ему снятся лютые окрики вертухаев.

Трое кривоносых казбеков в рое жалящих искр тащили навстречу Сереге сейф. Помыкал ими четвертый. И этому четвертому реально было до лампочек все кроме сейфа. А следом горбатились тени, кривые как турецкие сабли. А ведь на зоне времени добана, и Сергей от скуки заучил основные черные слова. И теперь с грехом пополам врубался.

– Эх, бухгалтер, собака бледнолицая, ключи домой забрал, да?! – за спиной этого урюка обрушилась пылающая балка. Но он отпустить железный ящик даже на миг не посмел. То ли такой послушный, то ли такой жадный.

– Слушай, Палат Суриkenович, зачем тащим, денег там нет, все деньги Альберт в казино проиграл, там только бухгалтерские бумаги, да?!

– Тошик, ты – чурка нерусский, ты умные буквы в квартальный отчет заново писать захотел, да?! – приблизительно так перекликались обсмаленные Гераклы, волокущие медленно раскаляющееся железо сквозь подстегивающие языки огня.

Также было бы нелепо ожидать, что потные, норовящие друг другу отдавить пальцы грузчики будут щелкать жалами по сторонам. Разминувшись с тяжеловесами, замаскированный пляшущими отсветами огня, круче не бывает, Сергей птицей взлетел на площадку второго этажа.

«...Хочу обратить ваше внимание на качество предлагаемого товара. Какой-нибудь любой другой поджигатель поджег бы ваш магазин с одной стороны. Наша же фирма не поскупилась на бензин, и теперь мы имеем два очага возгорания...» Первая причина, погнавшая Серегу внутрь пожара, была самая банальная. Хороший костер следует поддерживать, иначе потухнет. Где несколько ящиков водки расколошматить, чтобы горело ясно и убедительно. Где неловким, или наоборот чересчур ловким движением помешать глупым людям заниматься тушением. Какая может быть борьба с огнем, когда рядом Шрам?

– Эй, Муслим! – окликнул кто-то обознавшийся Шрама, – Ты не помнишь, дарагой, где я пистолет спрятал? Башка моя совсем дырявый стала!

– Погоди, огонь доберется до тайника, еще дырок в башке добавится, – сквозь зубы и так, чтоб не расслышали, прошипел Сергей, сворачивая за угол, – Таким, как ты, не стволы ныкать, а на рынке обвешивать положенно.

Внизу сейф наконец таки отдал чью-то ногу. Крик был настолько пронзителен, что сквозь смачный треск пламени долетел к Шраму. Палату Сюрикеновичу наконец пожелали жениться на верблюдице, сдоблив пожелание плохо срастаемым русским матом.

Истино в умных книгах говориться – чем кондовой способ, тем надежней. Сергей начал рвать на себя одну за другой дверные ручки и орать в открывающиеся пропитавшиеся едким дымом пространства что-то вроде:

– Дарагие, крыша рушится, да?!! Дарагие, сейчас гранаты на складе рванут, да?!!

И хотя звучало это на буквальном русском, наивные дети гор верили, и в их нестройных рядах все круче и круче свирепствовала паника. Кутерьма и бардак получились на миллион долларов. Канцелярские книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирали повсюду, они взлетали в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносил их прочь.

Высочивших из очередной расцветающей жаркими бутонами огоньков конуры тройку голых шлюшек и голого же волосатого, как мохеровый шарф, горца, нелепо закрывающего срам шестиструнной гитарой, Серега даже мысленно пожалел – из мужской солидарности. Голый король и девки с визгом помчались на выход, тряся ягодицами цвета куриных окорочков и медленно поджариваясь.

«...А теперь самое приятное. Любая другая фирма за поджег магазина такой площадью запросила бы не меньше пятисот долларов. Наша же компания за услугу не возьмет ничего. Но поскольку у нас сегодня рекламная акция, просьба всех участников самим запомнить и другим рассказать, что значит становиться поперек дороги Сережке Храму.»

А вторая причина, по которой Сергей полез в огонь, была даже поважнее первой. Где-то здесь, за шипами огненных языков в плену царапающего глотку чада содержался человек, теоретически способный навредить Сергею. Но Шраму были глубоко по боку планы Пырея и аборигенов. Потому что этой лабуде никогда не сбыться, зуб можно дать. Тем более, что Сергею самому, если хорошо подумать, было нужно такое сокровище, такой грамотный человечек. Ведь если даже канцелярию зоны, где он мотал, оснастили компьютерами, значит в компьютерах сила.

В одной из комнат Сергею довелось наблюдать прикольную сценку. Огонь мечтал ворваться через окно, делая помещение похожим на авральную лабораторию, и уже цапал оранжевыми губами занавески. Некий положительный копченый хач на это, выхватывая из пластмассового ящика бутылки «Балтики N 3», наспех скалывал горлышки с пробками, и плескал душистым кипящим пивом на пламя. Пиво в итоге кончилось. Но руки зудели и, вдруг обратив внимание на аквариум, праведник поднатужился и выплеснул воду с рыбками в огонь.

– Эй, Вайрат! – подскочил к Сергею следующий азер, отчего-то не испуганный, а счастливый, – Посмотри, хороший, как я волосы на груди опалил, да!? – с необъяснимой гордостью похвастался тот.

Шраму стало обидно конкретно, что опять приняли за черного, и на этот раз незванный гость не сдержался реально. Прямой под дых. С левой в челюсть. Пяткой сверху по почкам. Азер откинулся плавленым сырком. Будь здоров, дарагой, не кашляй, гадина.

И опять черед дверей. Удобно, что не стали выказывать опрометчивое героичество реальные пожарники – меньше проблем. А рубиновый огонь пляшет по стенам второго этажа, лижет стены, пожирает стены. За Сенной рынок! За планы построить в обход России нефтепровод через Турцию! За дружбу народов!

И наконец именно та дверь. Здравствуйте, ежики в тумане!

Ты только не теряйся. Все будет, отмажешь долги и сверху бабки будут! – как раз подталкивал к пожарному выходу сублинную особь мужского полу блондинчик Пырей, – А то, что тебе по сопатке дали, так это мы только твою надежность проверяли, – кажется, даже сам себе не шибко нравился вынужденный нести полную пургу опасно гибкий блондинчик. Его правая рука еще не зажила и, забинтованная, в нагрузку висела на шее – ручная мумия. Острый крысиный нос держался по ветру и настоятельно рекомендовал хозяину как можно быстрее покинуть тонущий корабль. Сублинная особа сильно не верила но на пожарный выход склонялась.

Антон действительно крепко попал на счетчик за неумеренное увлекалово дурью. Суммв, на которую он подвис, была для парня выше радуги. Он сам предложил хачам отпахать и напел про возможности интернета столько расчудесных слов, что в результате осел отрыжкой. Азеры, мало того, что поверили, будто четез паутину можно заказывать фуры с баклажанами, не выходя из дома колхозника. Они тут же нафантазировали пакет задач более подлый, чем Виндоус 2000. И наладить дешевую связь с Родиной – ну это просто; и искать бледнолицых подруг; и шусрить чуть ли не на пол Виршей, на всех, с кем азеры хотели дружить. А тут еще личная просьба этого П... Пы... Пырея, убедительная до боли в зубах, поискать подноготную на некоего Храма.

И тут – ба! Знакомые все лица! Встреча на рейде.

Немой сцены не получилось. Шрам ввалился в помещение весь из себя в дыму, и глаза свирепо вращаются. Пырей решил, что через минуту он будет мертв, как килька в томате, и от страха забыл про заткнутую за пояс волюну. Сергей Шрамов же устало вздохнул, будто самая тяжелая часть работы уже выполнена.

За то, что конвоируемый штымп и есть хакер, свидетельствовали четыре факта. Во-первых, на бойце болтался типичный компьютерный прикид – джинсы цвета хлорки и свитер по колено. Во-вторых у хлопчика под глазом семафорил фингал. Типа, хачи убеждали хакерить без перекуров. В-третьих, в этой комнате, в отличие от других, не хранились товары типа бананы, паленый коньяк или мука. В этой комнате обещала пафосно полыхнуть, когда огонь доберется, компьютерная техника.

А в-четвертых, увидев вступившего в компьютерный центр Сергея Шрамова, джинсовый мальчик радостно расцвел и, уже почти не боясь Пырея, заорал:

– Так это ж вам я липовую печать на бумаги лепил через сканер!

Действительно так оно и было. Случаются же неожиданные встречи? А липовую печать хакер лепил Шраму аккуратно на справку о досрочном освобождении. Обыкновенный заказ в проходной дизайнерской конторе, после выполнения которого приличные люди предпочитают не узнавать друг друга при случайной встрече. Но сейчас у джинсового мальчика другого выхода не было. Он узнал Шрама, а Шрам узнал его.

Шрам не ожидал, что вырученным компьютерщиком окажется старый знакомый. Случаются же в жизни совпадения? Так отряд Шрама пополнился еще одним грамотным человеком.

Но если фортуна улыбнулась хакеру, а хакер улыбнулся Шраму, то в помещении пребывал еще один тип, который не улыбался принципиально. Не улыбался, не смотря на то, что не сомневался – это шанс последний раз улыбнуться при жизни.

Однако Шрам удивил Пырея – вместо того чтобы угробить, срубил коротким в печень:

– Выйдешь отсюда через пять минут после нас. Если не задохнешься, – не побрезговал Сергей склониться над опрокинутым Пыреем и вооружиться за его счет.

– Ты меня не убьешь? – искренне удивился размазанный по полу и собирающий себя по частям блондин.

– Я тебя обещал в бетоне закопать. А я за свои слова отвечаю, – отмахнулся Сергей и поволок компьютерщика за дверь, пока гений не угорел.

Не то, чтобы Сергей Шрамов был настолько принципиален. Просто блондинчик являлся идеальным магнитом, способным собрать вокруг себя всю шантрапу Виршей. Уже было ясно, что это жирафоподобное животное науку не понимает. Будет и дальше юлой кружить по городку, вздымая грязь, где найдет. Надежная лакмусовая промокашка, которая сама того не подозревая, наведет Сергея на все потаенные узелки. И тогда Шраму не придется отдельно каждую шваль выпасывать. Он разберется со всеми скопом и сэкономит время.

И еще одна идея на третьем горизонте зудела у Шрама. Неизвестно, сколько времени отнимет поставить себя здесь на уровень. А генеральный папа намекал за нефть. И, наверное, другие охотнички за нефтью параллельно зубками клацают. Так пусть Пыррей шебуршит, пусть от его зажигательных речей заводятся и доугие местные бычки, считающие себя королями. Пусть скопом крошат дрова. Чем больше накрошат, тем громче шум. Тем меньше охотников за нефтью рискнет просочиться сквозь зону отчуждения.

Только вот с Пырреем Шрам маху дал. Не от туда наезд главной бычьей силы следовало ждать. И не правильным средством он нефтяных клопов собирался морить.

Глава 5

*А менты нам не кенты,
Лучше зеки, чем менты.
Ну какой из него кент?
Мент всю жизнь – он будет мент!*

ВОСКРЕСЕНИЕ 17.46

– О! Какими судьбами? – майор встретил гостя в дверях, поймал протянутую руку двумя руками и затряс, шелестя спущенными подтяжками. Прохиндейская рожа майора расплылась в столь радушной улыбке, будто не существовало для него большей радости чем лицезреть и трясти клешню столь дорогого гостя, – А я тут по-домашнему, – как бы оправдываясь за неуставной прикид, майор за руку потащил гостя в дом.

Гость тоже улыбался, только другой улыбкой. Немного надменной, немного брезгливой и очень сильно себе на уме. На госте дыбился белоснежный костюм. На нетонкой шее гостя, где когда-то бряцала якорная золотая цепь, остался незагорелый след – мода прошла, завяли веники. Гость не сопротивлялся приглашению, только сказал:

– Я тут мимоходом, вот и решил навестить, так сказать, неофициально, – говорил гость, старательно избегая слов типа «грядка», «ботва» и «я не понял» – мода на такие выражения слилась.

Проведя гостя через веранду в горницу, майор тем временем пододвинул гостю стул. Почесывая сквозь несвежую майку живот, ухватил с газовой плиты через тряпку кастрюлю и переставил на стол. Прихватил тарелку и половник и от души наварнул гостю в тарелку из кастрюли свежайших бордовых наваристых щей с золотистой рыбью.

Хлопнул себе подзатыльник и из морозилки выудил запотевшую поллитровку «Тигоды». Не забыл и про две рюмки в виде раззявивших пасти рыбок.

– А ведь у меня для тебя подарок, – осклабился гость, небрежно потряс в воздухе ключами с брелком и свойски сунул майору под майку к пышному телу. Майор загоготал от щекотки и принялся ловить ключи под майкой на пузе, будто блоху.

– Это что ж, еще одна машина? «Опель»? «Мазда»? Я ее тогда на дочку запишу.

– Нет, Иваныч, ошибаешься. Это не еще одна машина. Это катер. Прямо напротив твоей крепости пришвартован, – гость отодвинул от себя подальше тарелку с угощением. И не удивительно, на столе царил самый настоящий срач. Шкурки от позавчерашней колбасы, очищенная и надкушенная луковича, крошки и рыбья чешуя.

Теперь уже прохиндейская рожа майора расплылась точно как брикет коровьего масла на солнышке:

– Как тот с каютой в «Катерах и яхтах»?³

– Именно как тот, который ты слюной закапал.

* * *

ПОНЕДЕЛЬНИК (следующий день) 10.18

Дверь отворилась без стука, и в кабинет ввалился низенький толстый ментяра, похожий на колобка. С аж майорскими погонами на обсыпанных перхотью плечах.

– Есть кто живой? – спросил по-вертухайски зычно ментяра, в упор не замечая сидящего за голым столом Шрамова.

³ Специализированный журнал

– Ух ты! – вежливо поднялся из директорского кресла Шрам, типа хотел протянуть посетителю руку. Да что руку? Наверное, хотел обнять дорогого гостя, к груди прижать, только вроде как стол помешал, – Дядька Макар! – кликнул Сергей Шрамов секретаря, – Вы знаете, кто к нам пришел?! Вы не знаете, кто к нам пришел! К нам пожаловал сам городской глава по милицейской линии города Вириши Иван Иванович Удовиченко.

– Осведомлен, – прожженная образаина майора расплылась в хитрой улыбке, – Уважаю, – майор плюхнулся в гостевое кресло без приглашения, небрежно бросил на стол засаленную фуражку и пальцами пригладил потные волосы, – Да и мы не лыком шиты. Мы про тебя, Срамов, тфу, то есть Храмов, тоже понаслышаны.

– Кофе? – пропустив тонкий намек на толстые обстоятельства мимо ушей, предложил Сергей.

– А есть что покрепче? – как у себя дома расстегнул пуговицу под галстуком майор. И заозирался: на новенькую мебель, на задвинутый в угол армейский ящик со странным барахлом – свернутые кумачевые транспаранты, краски и кисти.

– Дядька Макар, – кивнул Сергей Шрамов маячащему в дверях пожилому секретарю, – Для нашего дорогого гостя двойной кофе...

Майор заржал, дескать, уважаю юмор.

– ...И бутылочку твоего бальзама, – дополнил, выдержав театральную паузу, Шрамов, – Он у меня такие бальзамы варганит – закачаешься!

– Ну ладно, – по-хозяйски навалился на стол всей тушей гражданин ментовский начальник, – Шутки в сторону. Рассказывай, Храмов, чистосердечно и как на духу, из какой стороны тебя в наш городок к бережку прибило, и какую золотую рыбку ты в нашей мутной воде выловить мечтаешь?

– Да тут не до жиру, – сделал наивные честные глаза Сергей, – В соответствии с буквой закона собрался я заняться юридическими услугами.

Снова в сверкающих свежим лаком дверях объявился дядька Макар, но уже не с пустыми руками. А на расписном подносе кроме двух чашек с расплавленным в смолу кофе бутылочка зеленого стекла и две чарочки. Майор сам снял с подноса угощение. Сам, не дожидаясь приглашения хозяина кабинета, в два выверенных булька наполнил чарочки, и свою тут же принял на грудь:

– Юридические услуги – это правильно. Только для такого сервиса документики соответствующие требуются. Есть у тебя соответствующие документики?

– Имеются, – важно сообщил Шрамов и уже сам, на правах хозяина, наполнил рюмаху для дорогого гостя. Тоже точно в один бульк.

– Ладно хорохориться! – вдруг зло вцепился ногтями в край стола майор, будто хотел стол опрокинуть. И поскольку от такого обхождения бальзамчик чуть не выплеснулся, то прежде чем продолжить разнос, Иваныч опять приговорил свою рюмку. Вот теперь ничто не мешало вести процесс, – Хорош мне глазки строить и кильку шкурить, блатная морда! Отвечай на вопросы, падло! Где остановился!? Имеется ли прописка?! Кто тебя сюда послал?!

Шрамов призывно посмотрел за спину как-то чересчур быстро поймавшего алкоголь-ный приход всего от двух мензурок Иваныча. Откуда-то из-за увенчанного большой колючей звездой плеча майора выплыл радушный дядька Макар и опять наполнил майорскую чарку:

– Не трэба так турбуватся, гражданин начальник, – за Шрамова повел речь дядька, – Есть у нас документики на уси случаи життя. Может щэ кофе? А насчет документиков я вам такую прытчу розповим...

* * *

– И за что же мне такая милость? – вспомнив присказку про бесплатный сыр, через силу подобрался майор. Его пятерня жадно сжимала ключики от катера и будто боялась отпустить.

– За то, Иваныч, что все у тебя построено правильно. За то, что всюду порядок образцовый, – ответил так и не притронувшийся к щам гость, – Ведь всюду образцовый порядок?

Интонация, с которой гость озвучил последнюю фразу, проколола даже толстую кожу майора, и Иваныч осторожно, как неродные, положил ключики перед собой. Может, придется возвращать обратно. Телеса Иваныча под несвежей майкой заходили обиженными волнами:

– Виталий Ефремович, ежели чем недовольны, так вы так и скажите. Я ведь человек с пониманием, зачем же ходить вокруг да около?

– Да не ерепенься, Иваныч. Это у меня личные заморочки. Извини, не сдержался, – ловя луч камнем на золотом перстне и как бы любуясь игрой света, глухо объяснил выбрык Виталий Ефремович. Все у него было в тему: и шмотки, и речь интеллигентная, и прочие финты. А вот нет-нет да и выглядывал из капустной одежды бычара бычарой. Не смуть натуру дорогими шампунями.

– А... Ну если так, то я не в обиде, – майор придвинул пузырь и натренированно ловко свернул золоченую головку, – А что за заморочки? Может я чем подсоблю? – всего с двух бульков он ловко наполнил обе рюмки под завязку.

– Не бери в голову, лучше ответь, как там наш лесник поживает?

– В порядке лесник. В белоснежном гипсе с головы до пяток. В больнице мордой в стенку уткнулся, ни с кем не разговаривает.

– А в протокол какие показания дал?

– А никаких. «Не надо» говорит «протокола». «Сам упал» – говорит. – Иваныч между делом попытался выглянуть поверх массивного плеча гостя в окно. Очень уж его перло побыстрее узреть пригнанный катер.

– Жаль. Выходит, обиду затаил. Выходит, отыграться надеется и властям не верит.

– Так это ж лучше. Без протокола-то. А то столько у меня висяков на шее, что в Управлении боюсь показываться. Скубют меня там, как плюгавого воробья в стае. Шутишь – первое сзади место по области?

– Ты потерпи, Иваныч, еще месяц-другой. Дело с комбинатом уже на мази. Кстати, а немцы довольны экскурсией остались?

– Еще как довольны. Одного Машка Манекенщица развела на «вернувшегося из командировки мужа». А второму показательную драку в кабаке устроили, на два зуба сократили. Фрицы таксеру, чтоб из города ночью увез, пятьсот марок отмаксали. Это прижимистые гансы-то.

– Ну а в городском масштабе, Иваныч, как?

– Да все пучком. В городе четыре коды. То одни других загасят, то другие первых. Ночь без шума не обходится. Первое место по области держим, и плачут горячими слезами мои подполковничьи погоны. Вот давеча магазин черных сгорел.

– Вот то-то. Магазин черных сгорел... – подхватил гость без восторга. Он сидел на шатком стуле, держа спину, будто лом проглотил. И очень боялся испачкать понтовый наряд.

– Да ты ж!.. Извиняюсь, Виталий Ефремович, да вы ж сами требовали, чтобы больше шуму! Чтобы угоны и поджоги! Чтобы шпана распоясавшаяся ночью никому на улицу выйти не позволяла!

– Шпана, да не любая! – ударил Виталий Ефремович кулаком по столу так, что нетронутые и остывшие щи из тарелки на белую скатерть выплеснулись. Так ударил, что скатилась со стола надкушенная луковица, – А знаешь ли ты, старый сморчок, что у тебя уже десять торговых точек в городе без крыш стоят!?

– Как без крыш? Кому же они платят?

– А никому. Нашелся тут один герой, такую мазу потянул, что прежние крыши к ядрене фене отвалили. А сам бабки не берет, говорит, когда что-нибудь попрошу, тогда и отблагодарите.

– А что ж он кроме бабок может попросить?

– Тем он и опасен, что темная лошадка, – гость старался совсем уж внагль не демонстрировать, что не сиабит майора ни в хрен. Гость решил сегодня подавить на Ивана Ивановича по одной простой причине. Пора было и майору побегать по городку, гузку растряссти. Чтоб кипеша стало еще больше. Да и ваще слишком хило вкалывает майор на дядю. Хочет и рыбку съесть и на подполковника сесть.

– Ну, ежели нашелся герой, так на всякого героя найдется свой геморой. Я подчиненным подмигну, они ему мигом рога поотшибают.

* * *

ПОНЕДЕЛЬНИК 11.21

Макар сделал свое дело, Макар может уходить. Шрам беззвучно указал дядьке Макару на дверь, и тот на цирлах испарился.

Майор покоился в кресле оплывшей грушей. Попа вдвое шире плеч, руки безвольно по швам, потные потеки у висков. Глаза у майора были как одуванчики: широкие, желтые и без всякого осмысленного просвета. Большую ошибку сделал майор, явившись сюда «самбля без ансам-бля». Привык, понимаешь, что он в Виршах царь и бог!

– Ты хороший, но опасный, – прибито вещал майор, – Ты серьезным людям поперек глотки стал. У меня какая основная работа? Чтоб в Виршах бардак не прекращался. Чтоб всякий серьезный инвестор тысячу раз подумал, прежде чем в наш нефтяной гигант бабки вкладывать, – в вытаращенных желтых шарах майора не было и намека на волю. Только отражалась ополовиненная в одиночку бутылка бальзама и недопитая чашка крепкого кофе.

– И кому это нужно? – поторопился спросить Шрамов, пока не кончилась пленка во внаглую лежащем у его правой руки диктофоне, – Играй, гармонь, рассказывай, всю правду говори, – подхлестнул он не больно по щеке готового окончательно отрубиться мента.

– Я – не гармонь, я – майор. Директору гиганта нужно и тем, с кем он в бирюльки играет. Они завод американцам надумали продать. И по официальным бумагам сумма выходит вроде бы нормальная – при нынешней-то криминогенной обстановке в районе. Да только вот она у меня где – криминогенная обстановка, – майор нашел силы собрать воедино пальцы одной руки, – В кулаке! Сделаю чик-чирик, и завтра старушки смогут в сберкассу за пенсией посреди ночи шастать. А тут ты появляешься, начинаешь палки в колеса совать.

– В натуре выходит, – направил на путь истинный «добровольное» признание Иваныча Шрам, – Часть лавэ пронырливые америкашки вручат директору в кожанном саквояже?

– Три четверти. Столько, на сколько завод реально больше весит. Черным налом. А тут ты появился и ужом в жопу пролезть норовишь...

– А как вы, уважаемый Иван Иванович Удовиченко, лично способствовали тому, чтобы в городе не спадала криминогенная напряженность? – еще пуще заторопился Сергей, видя, что лента в окошке диктофона убывает с катастрофической скоростью.

– Ну вот, например, есть в Виршах четыре коды.

– Теперь уже три.

– Точно, Пырей на гавно сошел. Остались бригады черного Альберта, Словаря и Милюты. И моя задача, чтоб никто из них круто не поднялся и круто не опустился бы. И чтоб дальше шмона ларьков нос не совали. Но зато, чтоб ларьки шмонали с поросычьим визгом и пальбой из незарегистрированного оружия.

– А остальные?

– Новичков приходится отсекать. Как, например, следует отсечь и тебя. Спалить на чем-нибудь. Слушок дошел, что ты в бегах. Вот хочу в Москву бумажный запрос отправить. Пусть по косвенным данным пошуруют.

– А еще какие грехи за тобой водятся?

– Ну, еще случаи на производстве бывают. Вот, например, наш лесник заинтересовался, на каких таких основаниях компания «Акация плюс» лес под городом валит и финан продает.

– И?

– Пока решили лесника в живых оставить. Пока.

И тут как раз диктофон забастовал. Пленка кончилась. Сергей только скрипнул зубами. Много, но далеко не все порасказал ему под запись насосавшийся в одиночку хитрого бальзама майор.

Опять в дверях с немым вопросом на фотокарточке сфокусировался Мартын. И поскольку теперь чего уж там, Шрам спросил:

– Ну, хвались, старый бес, чем это таким ты нашего гостя угостил?

– Трошки белены, трошки полыни, трошки глазных капель... У меня полный рецепт вид батька зальшився. Думаешь, так просто было пэльку заткнуть жильцам «моей хаты», чтобы вони никуды не скаржились?

– Хотел я отдельное подразделение по гомеопатической аптеке создавать, а теперь вижу, что круче тебя аптекаря не найти, – уважительно выдал Сергей Шрамов.

Однако не только на знании дядькой Макаром народных средств по развязыванию языка основывалось «чистосердечное признание» майора Ивана Ивановича. Следует учесть и то, что майор последние полчаса, как раз пока крутилась кассета, сидел примотанный к креслу скотчем по рукам и ногам. Нет, его не били. Форменные штаны и трусы бессовестно спущены, а к вжавшемуся морщинистому мужскому достоинству тем же скотчем был примотан динамитный патрон с вермишелиной бикфордового шнура.

А на столе в пепельнице все это время тлела пузатая сигара. И попробовал бы майор не быть откровенным!

* * *

ВОСКРЕСЕНИЕ 18.06

Виталий Ефремович с неудовольствием посмотрел, как майор проглотил третью рюмку водяры – ведь и двадцати минут с начала базара не прошло. Когда-нибудь хронь доведет Иваныча до цугундера. Но сейчас драть за слабость старикана не имело понта. Сейчас следовало настропалить майора на борзого новичка:

– Не говори «гоп». Серьезный герой. Команду Пырея распинал – он. Илью, Муромца местного, успокоил – тоже он, – гость не выразил вслух свою главную предьяву к темной лошадке. Пр всем повадкам, даже не столько по повадкам, сколько на уровне кишок, Виталий Ефремович учуял, что Храм – из воровского сословия. А это значило, что воры (трудно поверить, что новичек завернул в Вирши сам по себе) не оставляют надежду опять подмять под себя пляну, как было лет надцать назад. Двум залетным уголовничкам, слава Богу, удалось бошки пооткручивать. Да видно, Бог троицу любит.

Иваныч поскреб за пазухой, полюбовался на блестящие ключики от катера и сладко мурлыкнул:

– Магазин черных – очень похоже – тоже он. Причем, не обыкновенно наехал, типа на стрелу вызвать. А поступил, как забубенный урка – управился в одиночку.

– Да ты, старый сукин сын, оказывается, в курсах! – с некоторым даже брезгливым восхищением хмыкнул гость.

– Магазин черных – тоже он, потому что Пырей переметнулся к черным и стал их против нашего героя стропалить, – Иваныч по-хозяйски сгреб брелок с ключами в карман, – А я здесь – власть! Мне, чтобы кого-то втоптать, тоже стрелы не нужны. Я проверяю прописку, я пережимаю кислород. Я отсылаю запрос и получаю официальный ответ. На этого, как его... Сергея Срамова, кажись.

– Да ты, старая лиса, и имя знаешь?

– Да уж к визиту твоему подготовился, – довольно осклабился майор. Его так и корячило внаглую уставиться в окно на почти заслуженный катер.

– Не больно задирай ноздри, Иваныч. Не Срамов, а Храмов. Будешь отсылать запрос – не перепутай.

– Кстати, на пожаре жертвы были?

– Вроде нет.

– Очень жаль. – Виталий Ефремович начинал бычком не здесь, а в Питере. Поднялся он, когда случайно и походя подмял некую аудиторскую контору. Вникнув суть, быстро въехал, что на момент проверки получает доступ к учредительным ксивам доверчивых клиентов. Дальше выпасти лохов-учередителей по прописке, отнять печать и заставить подписать протокол об уступке прав – левой ногой. За какой-то март Виталий Ефремович стал директором и хозяином пяти различных фирм.

Но откровенный криминал когда-нибудь плохо кончается. А тут подвернулся заказ с Виршевским нефтекомбинатом. Грех было в такой смачный ломоть не впитаться.

* * *

ПОНЕДЕЛЬНИК 12.05

Сергей выключил диктофон, вполне довольный произведенным эффектом. Сидящий напротив, поджав лапки, майор был похож на червивого масленка. Маленький, мятый, сопливый.

– Ну что, будем кильку шкурить или по-хорошему добазаримся? – не глядя в позорные глаза мента, вкрадчиво спросил Шрам.

– Лучше по хорошему! – взмолился мокрый от пота, как выползший на морской берег тюлень, Иваныч.

– Вот и лады, – по-доброму улыбнулся Иванычу Сергей Шрамов, только руки не подал.

Так отряд Шрамова увеличился еще на полчеловечка, но не это подмывало Шрама сразу после отчаливания майора заглотив стакан водки.

Оказывается, шурша с огоньком на поляне, как пахарь, он лил воду на чью-то неродную бычью мельницу. И даже хуже. Ведь до сих майорских откровений Сергей сам – лох отстойный – не дознался, что у нефтекомбината мерещатся новые хозяева. И еще чуть-чуть, и Шрам опоздал бы на поезд.

И еще парочка таких промахов, и можно идти топить в местную речку-вонючку.

Если Сергей хочет успеть, ему нужно придумать нечто нестандартное. Ему предстояло развести не только все здешнее бычье царство, а и иностранный капитал. Задача из области высшей математики. Без стаканов чужой и своей крови не разберешься.

Глава 6

*«Это ж даже хорошо, что пока нам плохо!» —
Говорил земля мой Скокарев Алеха, —
«Если в жизни нету форта, ты гуляй в кабак.
Погуляешь, покиряешь — будет все ништяк!»*

*«Это ж даже хорошо, что пока нам плохо!» —
Говорил земля мой Скокарев Алеха, —
«Если долго нету форта и кругом долги,
Ты хватать за хвост удачу все же погоди!»*

Она опустила гитару и стала похожа на уставшую чайку, севшую передохнуть на снасти проходившего мимо корабля. За ее спиной, как море в бриз, слабо волновался занавес. Девушка целиком отдала себя песне, и теперь ей нужно было время, чтобы собраться с силами и запеть снова.

Кто-то в зале обращал на нее ноль внимания, шевелил вилок и ножом, будто мясная муха лапками, да не забывал подливать в рюмку дорогое пойло. А кто-то оставил сохнуть буженину под соусом «Арабески» и початую бутылку шато; кто-то, как и Шрамов, выслушал жестокий романс на едином вдохе и все еще находился во власти щемящих слов. Но в отличии от прочих, замороженных сочиненными в России, которую мы прозевали, рифмами, Сергей Шрамов видел певицу не в первый раз в своей жизни.

Он ее узнал сразу, только появилась на сцене. Это была она. Та, которая мелькнула тогда, на разборке. Фигура оранжерейная. Глаза — карельские озера.

Наконец, даже вторые стряхнули с себя волшебное оцепенение. Нижний зал ресторана «Дворянское собрание» ожил, загудел, на время забыв про певицу. У каждого имелись дела поважнее. Развязались языки, над столиками поплыли обрывки трепа типа:

— Че-то у меня труба не трубится?

— Пальцы широкие, сразу по три кнопки нажимаешь...

И даже главный папа с балкона на втором ярусе, кивнув девушке лунным бокалом шампанского, дескать, за твоё здоровье, моя ненаглядная, зацепился вопросом с соседом. Кажись, с Толстым Толяном. И только Шрам сидел, как поленом прибитый, настолько пронзительно полоснул по его вроде бы остывшей душе девичий голос.

Но вот певица нашла силы снова прижать звонкую гитару к девичьей груди. Тихо и нежно вздохнули серебряные струны. И снова ее голос пережал горло Сергея петлей сладкой спазмы.

*Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!..*

А ведь Шрам здесь присутствовал не ради ее красивых глаз, и не ради того, чтобы набивать кишки нерусскими маринадами в прикуску с сочными отбивными. Вернувшийся в Питер на один вечер Шрам ждал очереди на прием к главному папе.

Пришел срок доложить о жить-быть в Виршах, об успехах и проблемах и принести первые виршевские денежки в общак. Благо обсмаленные хачи поняли, что в натуре они не бойцы, а барыги. И от лишних пожаров – лишние хлопоты. Короче, вчера явились азеры (сами, без подсказки) в офис к Шраму с низким поклоном. И забился с ними Шрам пока на пять зеленых косарей в месяц.

Сегодня у Михаила Геннадьевича Хазарова был приемный день, и проводил генеральный папа его так, чтобы все, от Шрама до последней шестерки, вникали, какой папа крутой, как ему пофиг возможные происки врагов, и какая шикарная девушка поет персонально для папы.

*Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более юных сводила с ума...*

А ведь именно для него – старшего папы – она и пела. А что жлобье вокруг вилками лязгает, так пофиг. А что кабак – пошлее не бывает: горбатые зеркала да липовое золото – так по барабану. А что у Шрама будто сердце в серную кислоту окунулось, так пофиг тем более. Сиди, Сережа, жди, пока главный папа соизволит кликнуть пред светлые очи. Бухай заморские вина, жуй ананасы и рябчиков, слушай романсы на халяву, пока дают. Пока не подойдет твоя очередь к Михаилу Геннадьевичу, а какой ты по счету в очереди – не твое дело.

Сергей в который раз окинул зал пытливым взглядом. На ручной вышивки скатерти, бронзовые светильники в виде голых греческих баб и прочую плешиво навороченную лабуду он не обращал внимание. Ему были интересны сидящие в зале. По краям – низовой народ, кто на проблемах спотыкается, да бабок мало засылает. По центру – краса и гордость хазарского царства. Хорошо бы всех запомнить, мало ли как жизнь дальше сложится.

Вот низко над тарелкой навис седой бобрик часто втягивающего щеки мужика. Лицо в пятнах, точно недавно лишаи сошли. В глазах что-то такое, будто тип нифига не сечет, что вокруг, а весь глубоко в себе. Будто то и дело спрашивает у больной печени: «Зайчик, можно мне еще рюмочку божеле? А если я еще один кусочек лангета проглочу – ты не обидишься?». Кажется, этого пассажира Сергей знал. Вроде бы это Блаженный Августин – ханыга, сам про себя из понта распространявший слухи, будто был причастен к чеченским авизо. А вот то, что было правдой про Августина, так это история, когда он двоюродную сестру замочил ради трехкомнатной хазы. Где-то влетел на счетчик, и срочно требовались бабки отмазаться.

Вот миниатюрная остроглазая выдра с хищно заточенным носом и бегающими по столу ладошками-паучками. Хвать салфетку – будто паучок поймал ночную бабочку. Хвать хлеб – будто другой паучок поймал таракашку. Ее спонсор что-то травит. Наверное, байку, как он с корешами вышибал бабки из барыги. Размеры у парня семь на восемь, то есть аккуратно подходящие именно такие байки травить. Жаль, не знает Шрамов про этого бультерьера ничего.

А вот еще специфический тип. Не сидит на попе ровно, все время дрыгается, будто вшивый. То манжеты одернет, то брюки под столом руками разглаживать начнет. То галстук поправлять сунется и еще дальше под ухо узел загонит. Типа, человек именно эти шмотки первый раз одел, и все ему наперекосяк, каждый шов в кожу врезается и обидеть норовит. А красноухий халдей с чубчиком как у Гитлера гражданину на стол закуски ставит не последние. Тут и икра с блинами, и водка стобаковая, и черта в ступе.

Что-то они друг другу с официантом пошевелили губами, и специфический отправился в сортир.

*...Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!*

Шрам дослушал терпкую песню. Эта песня взяла за покоренную душу иначе. Но ведь тоже взяла. Будто к печке открытой с мороза пододвинулся близко-близко, будто в детстве отец Шрама шлангом выпорол, будто первый в жизни приговор выслушал, кровь прилила к лицу.

Нет, так нельзя, решил Сергей Шрамов, поднялся на засидевшихся ногах и двинул в туалет. Рожу сполоснуть, чтобы вареным раком не пыхла.

Его пижонские – весь одет с иголочки – штiblеты не скрипели ни на из пяти пород ценного дерева наборном паркете зала, ни на более простом в коридоре. Он толкнул дверь с силуэтом джентльмена и провожаемый отражениями в писюарных зеркалах завернул за угол. Тот – дрыгавшийся, будто вшивый – и обслуживавший его лопухий халдей стояли здесь близко друг к другу, словно педрилы.

Вшивый на измене быстро отдернул руку за спину, и за спиной зашуршало вроде как бумагой. Оба баклана сделали каменные лица. Официант, будто ни при чем, отступил на шаг, пряча глаза под чубчиком. Проверил пальцами, правильно ли застегнуты штаны, одернул белоснежный китель с пуговицами из желтого металла и слинял.

Шрам, которого сцена в упор не касалась, равнодушно склонился над умывальником и зарядил пару пригоршней остужающей воды себе в репродуктор. Вроде полегчало. Сергей выпрямил спину.

Вшивый шелестел бумагой уже из вонючей кабинки. Халдея след простыл, ну и ладно.

Сергей вернулся в зал. И опять кусок в горло не полез, потому что девушка топила зал в глазах-озерах и пела:

*...Дорогой длинною,
Погодой лунною,
Да с песней той,
Что в даль летит звеня,
И с той старинною,
Да с семиструнною,
Что по ночам
Так мучила меня!..*

Так не годится, стал наезжать на себя Сергей, этот фонтан надо присушить. Шрам заставил себя совершенно деревянно отпилить на тарелке кусок мяса и проглотить, почти не разжевывая. Заставил себя запить. Кажется у него на столе выдыхалось откупоренное перно. Но он не почувствовал бы, будь это даже чистый спирт.

Так не годится, всерьез разозлился на себя Сергей. Пока генеральный папа не вызовет, нужно срочно чем-то занять мозги. Например, прокумекать, что эти двое терли в сортире? Халдей что-то передал, завернутое в бумагу. Передал не здесь – в зале – где вряд ли сыщется два бугая, посторонних в нашем деле, а передал в сральнике. Тишком от прочих. Будто что-то западловое.

Сергей оглянулся на лопухого халдея. А тот, оказывается, тоже косяки давит, но только нарвался на взгляд Шрама, сразу потупился в персональный поднос. Как неродной.

Вернулся за свой столик вшивый. И сразу масса лишних движений. Галстук туда. Запонки проверил. Почесал ладони. Салфеткой промокнул лоб. Галстук обратно... Что же такое особенное ему вручил халдей?

Сергею стало настолько интересно, что он вторично посетил сортир и нашел в кабинке желтую упаковочную бумагу и обрывок шпагата. Рыться в этом было в падлу, и вопрос завис. Что же было завернуто в бумагу? Наркота? Но почему передача состоялась втихаря, ведь вокруг все свои? Может, вшивый стремится, что подсел на наркоту, и не жаждет, чтобы коллеги прочухали?

Но неужели он такой debil, что не шарит? После праздника метрдотель прогонит всех до единого халдеев через посиделки и выжмет не только статистику, кто, что и сколько любит пожрать, а и кто какие любезные-нелюбезные слова про Михаила Генадьевича гнал. Значит, тихариться с наркотой смысла нет.

Значит, что-то иное передал лопухий халдей. Плюнуть и забыть? Но запутка хлорным осадком въелась в извилины. И тогда Сергей, поймав очередной вороватый взгляд лопухого, подманил того властным щелчком.

– Слушаю. Что желаете? Не я обслуживаю Ваш столик, но с удовольствием передам заказ обслуживающему Вас официанту.

– Так таки ПАКЕТОМ и передашь? – хамски зевнул Сергей, как бы между прочим выделив слово «пакет».

– Не понял? – побледнел, как сгущенное молоко, халдей.

– Ты всем, если надо, ПЕРЕДАЧИ маалявишь? – с понтом равнодушно педалировал Шрамов схожее слово. С учетом, чтобы вшивый расслышал только «передачи».

– Мне нужно обслужить другой столик. Обслужу и сразу вернусь к Вам, – заблеял порывающийся драпануть халдей.

– С... вернешься? Да ты не человек, а СВЕРТОК какой-то! – теперь вшивый должен был услышать слово «сверток».

Наверное, услышал. Наверное, очканул выше крыши. Потому что, как сидел, так с места в карьер и сорвался из-за столика, даже не понадкусывав икру с блинами. И быстро-быстро, как говорит дядька Макар – «швыденько-швыденько», заканал на выход. И вот тут уже в Сереге окончательно очухался охотник. Тут уже было не важно, в какую историю Шрамов встрял, какой гадюке на горло наступил, какой гнойный прыщ выдавил. Убегают – догонять! Потом разберемся в пасьянсе, кто прав, а кто виноват.

Вшивый соблюдал приличия – не побежал, типа сторонник спортивной ходьбы. Значит, и Сергей бежать не будет. Сергей ринулся следом только чуточку быстрее, чем делающий ноги гражданин, только чуть ловчее огибая столики и разминаясь с халдеями. И выигрывая то там полсекунды, то сям.

Коридор. Пузатые хрустальные люстры, пузатые голые телки на картинах в сусальных рамах. Вшивый затравлено оглянулся, слабый на дыхалку – он почуял, что за здорово живешь не соскочит. Не останавливаясь, полез в штаны – правой рукой под ремень у левого бедра – очень знакомый Сергею жест и здесь неожиданный. Ибо униформенные братки на входе всех гостей облапали по самые помидоры, чтоб никто не смог верховному папе устроить огнестрельный сюрприз.

Сергей почти догнал вшивого. Вшивый почти вытащил из-за брючного ремня ствол, да только ствол оказался с накрученным глушаком, и из-за этого «почти» – не считается. Дольше времени и более галантного обхождения при вынимании такой ствол требует. А уже близко замаячили пока не врубающиеся, но учуявшие передрыгу рожи доселе скучавших на выходе униформенных братков.

И вот, дотянувшись в рекордном прыжке, подсек носком Шрамов улепетывающего засранца. Вот рука падающего ниц козла наконец выпустила волюну. И вот растянулся вши-

вый гражданин мордой об паркет, а пистолетик загремел рядом. И чтоб ханыге не приспичило снова за пистолетик ухватиться, один из братков мишкой косолапым навалился сверху, типа блокирует.

– Я – Шрам. Сергей Шрамов, – предъявляя пустые руки, сообщил Сергей второму мордовороту, – Я эту гниду выпас и погнал.

Мордоворот неожиданно оказался с мозгами. Поглядел на приплюснутого к полу, поглядел на Шрама, попрокачивал секунд с пять расклад в башке и миролюбиво откликнулся:

– Еще есть что сообщить?

«Сообщить?», грустно улыбнулся Шрам. Да ты, боец, из бывших ментов. Мало платили, наверное. Это было неприятно, будто вместе с ягодой малины зажевал сосавшего ее лесного клопа. Но не Сергею судить генерального папу.

– Есть. Ствол ему халдей передал. Такой, с красными оттопыренными ушами и чубчиком под Гитлера. У параша передал. Там в ведре и фантик от ствола валяется.

– Возвращайтесь на место. Мы во всем разберемся, – угрюмо, но миролюбиво посоветовал Шраму бывший мент.

И Шрам вернулся. Девушка к его приходу пела:

*О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!*

Но теперь Шрамов не пускал жгучие, как слезы, слова внутрь. Он равнодушно дошкарябал вилкой тарелку. Ну, почти равнодушно. Равнодушно опустошил бокал. Ну, почти равнодушно, если быть честным перед собой. Подумал, не заказать ли водки, но не стал – впереди доклад папе.

Однако, с докладом не заладилось. Сперва из зала сгинул лопухий халдей. Ушел на кухню и не вернулся. Затем растворилась за кулисами певица. Затем к столу Шрамова важно подвалил бывший мент, уважительно склонился над ухом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.